

В ВИХРЕ ВРЕМЁН

ВЗРЫВНИК

Заброшенный
в 1941 год

Вадим МЕЛЬНЮШКИН

В вихре времен

Вадим Мельнюшкин

**Взрывник.
Заброшенный в 1941 год**

«Махров»

2014

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мельнюшкин В.

Взрывник. Зброшенный в 1941 год / В. Мельнюшкин —
«Махров», 2014 — (В вихре времен)

ISBN 978-5-04-004082-7

Продолжение бестселлера «Окруженец». Затерянный в 1941 году, заброшенный на оккупированную немцами территорию, «попаданец» начинает диверсионную войну против захватчиков. Взлетают на воздух мосты, катятся под откос эшелоны с техникой и боеприпасами, пылают вражеские аэродромы, гибнут в засадах полицаи и целые зондеркоманды. Немецкое командование вынуждено бросить против партизанской армии не только карателей, но и снятые с фронта войска, охоту за ВЗРЫВНИКОМ ИЗ БУДУЩЕГО ведут латышские эсэсовцы, и кольцо вокруг «попаданца» сжимается всё туже...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-004082-7

© Мельнюшкин В., 2014
© Махров, 2014

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	35
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Вадим Мельнюшкин

Взрывник. Заброшенный в 1941 год

Пролог

*Когда на смерть идут – поют,
а перед этим можно плакать.*
Семён Гудзенко – поэт-фронтовик

*В море соли и так до черта,
Морю не надо слез.*
Андрей Вознесенский – просто великолепный поэт

Старшина замер, молча шевеля губами, то ли молясь, то ли ведя обратный отсчёт. Рука без рукавицы, лежащая на рукоятке подрывной машинки, напряглась и побелела. Рядом с ним замер помощник, держа оголённый провод около клеммы аккумулятора. Для перестраховки старшина бросил сразу две подрывных линии, благо провода у нас хватало. Цепь зарядов была соединена детонирующим шнуром. Кроме того, электровзрыватели, подсоединённые к подрывной линии, стояли в нескольких местах по всей длине поезда, поэтому даже неоднократный обрыв шнура или несрабатывание части взрывателей не скажется на окончательном результате. А вот вторая линия зарядов, которая должна была поразить сошедшие с пути или опрокинувшиеся пассажирские вагоны и срабатывающая с минутным примерно замедлением, могла ударить вхолостую. Ну, или, по крайней мере, не в полную силу.

– Давай, – Кошка крикнул и вдавил рычаг. Его помощник тут же опустил провод, я даже заметил искру в месте контакта.

Под колёсами поезда мгновенно вспучились большие белые клубы – снег подняло ударной волной от распределённых по одному рельсу зарядов. Тяжёлый бронированный состав продолжал двигаться, хотя и заметно замедляя ход, одновременно кренясь на левую сторону. Инерция бронепоезда была такова, что он с выбитой из-под колёс опорой продолжал двигаться, отказываясь остановиться или упасть. Из-под вагонов уже летели комья мёрзлого грунта, куски повреждённых взрывами рельсов и обломки дерева, а подчас и целые шпалы. Наконец, пролетев так метров тридцать пять – сорок, первый вагон рухнул на бок, разметав по полю платформы, что были прицеплены спереди. Те, в свою очередь, кувыряясь, разбрасывали сложенные на них рельсы, шпалы и мешки с песком. Следующий вагон врезался в первый и бортом попытался влезть на своего собрата. Инерции уже не хватило, тем более что от удара первый опять прополз пару метров, и он замер, только слегка приподнявшись. Следующим был бронированный паровоз. Его массы хватило, чтобы сдвинуть кучу-мала ещё на полметра. Четвёртый и пятый вагоны просто рухнули на левый бок, а вот два пассажирских, имея меньшую массу, тоже заваливаясь на бок, всё же попытались запрыгнуть на последний вагон бронепоезда. Первому почти удалось, тем более что его пихал в зад второй. Он стал налезать на броневаягон, долез до половины, но вдруг соскользнул и рухнул в нашу сторону, закрывая собой хвост бронепоезда. Последний пассажирский тоже упал на бок, но как-то вяло, без огонька.

Зрелище было просто феерично, потому все наблюдающие за катастрофой хранили молчание. Вдруг вдоль искорёженной насыпи вспухла ещё череда взрывов, только слегка задев хвост состава. Это были заряды, заложенные с замедлителем. Как и пророчествовал старшина, толку от них оказалось не слишком много.

Слева и справа от меня начали вскакивать люди. Куда это они? А, ну да, в данный момент оказывать нам сопротивление некому. Возможно, через несколько минут ехавшие в поезде

и очухаются, но пока есть возможность, следует сократить расстояние без предварительного обстрела. Конечно, двигаться будем по открытому полю, но раз пока не стреляют, то надо поспешить.

До насыпи было метров двести, и мы пробежали их достаточно скоро. Сначала переохлаждённые и застоявшиеся, точнее, залежавшиеся члены не давали двигаться быстро, но, скоро разогревшись, мы притопили и были у вагонов не позже чем через пару минут. Поспели как раз к тому моменту, когда первый фриц полез наружу. В вагонах творилось чёрт-те что – крики, стоны, ругань, вой... Вылезающий немец, увидев нас, замер, а затем попытался сползти обратно. Выстрел откуда-то справа – и он рухнул в снег.

...Лето сорок первого года оказалось катастрофичным как для Красной армии, так и для Советского Союза в целом. Вермахт стальным валом прокатился по приграничным областям страны и устремился в её глубь. Немцам некогда было разбираться с одиночными красноармейцами и гражданскими лицами, стремящимися вырваться из окружения. Одним из таких окруженцев оказался студент железнодорожного института Константин Шеин. В связи с неудачным стечением обстоятельств его настигла случайная вражеская пуля, оборвавшая молодую жизнь. В этот самый момент мое сознание и перенеслось в новую телесную оболочку. Получив память погибшего, но утратив свою, я оказался на распутье, но враги не оставили мне другого выбора, как продолжить борьбу.

День за днём, операция за операцией росли численность, опыт и решимость созданного мной партизанского отряда «Полоцкий мститель». Начиная с небольших диверсий на автодорогах и освобождения слабо охраняемых групп советских военнопленных, партизаны наращивали темп атак и наносимый врагу ущерб. Захватив склад трофейного вооружения и разгромив охрану концлагеря, мы приступили к формированию полноценного воинского подразделения, до обретения которым реальной силы, конечно, ещё далеко.

Но, даже имея достаточное количество вооружённых людей, невозможно вести полноценную борьбу во вражеском тылу без поддержки населения и на голодный желудок. Наведение отношений и зарабатывание авторитета у местных жителей – совсем не последнее дело для командира партизанского отряда. В одно из тайных посещений Полоцка я познакомился с Ольгой, работающей хирургом в немецком госпитале, и влюбился в нее, как мальчишка. Именно она предупредила о готовящейся карательной операции айнзатцкоманды. Каратели попали в засаду, но отряду пришлось покинуть ставшее опасным место расположения. Однако мы не просто спасались бегством, а совершили рейд по тылам врага, уничтожая инженерные сооружения, технику и личный состав противника.

Вернувшись на прежнее место через месяц, я узнал о крупном теракте, совершённом подпольщиками в Полоцке, и об опасности, грозящей любимой девушке. И, конечно, немедленно бросился в опасный город.

Глава 1

Телега, запряжённая меланхоличной невысокой лошадкой неясного по причине запылённости и общей неухоженности цвета, неторопливо приближалась к пропускному пункту. Двое часовых, шутце и гефрайтер, негромко обсуждали что-то явно не сильно интересное, судя по скучающему выражению их лиц. Хотя нет – они, скорее, не скучали, а были утомлены. Усиление сняли только два часа назад, а до этого эсэсовский штурмманн, приданный, а точнее поставленный следить их посту, успел достать до печёнок своим снобизмом и неприкрытой наглостью. Полдня пришлось лазить по телегам и обыскивать всех подряд русских, проходящих через пост. Ладно бы ещё женщин, но лапать мужиков! Урод! Причём хоть бы какой толк был – как этот придурок взъелся, когда Карл взял кусок сала с телеги у русского, чуть ли военным судом не грозился. У этих «чёрных» совсем голову выстудило? Отто сплюнул на землю и махнул рукой подъехавшему убогому транспортному средству, требуя остановиться – скоро смена, а ничего приличного к ужину нет, без хорошего куска свинины жрать то варево, что готовит новый повар, просто невозможно.

– Halt! Papier! (Стой! Бумаги!)

Бородатый русский тут же засуетился, протягивая документы.

– Я бургомистр Говоров. А это племяш мой, вот здесь я на него сам бумажку выписал. Образованный – жуть! Студент! По-вашему шпрейхает, закачаешься. Переводчик.

Из всего, что болтал русский, Отто понял только то, что мужик числится бургомистром какой-то занюханной деревеньки, что было совсем не важно. Во-первых, он пропускал его уже не в первый раз, а во-вторых, так было написано в документах. А вот молодой парень, сидящий рядом с бургомистром, активно не понравился – не было в его взгляде страха и угодливости, которые немец привык видеть в глазах русских.

– Aufstehen! (Встать!)

Бургомистр сжался, а глаза его забежали из стороны в сторону. Парень же мягко соскочил на землю и встал без движения, уставившись прямо в глаза. Несмотря на отсутствие страха взгляд его не нёс угрозы, которую хоть изредка, но Отто замечал в бросаемых на него взглядах некоторых русских, особенно освобождаемых им от излишков продуктов и противного деревенского шнапса. Парень смотрел внимательно, но в то же время как-то отстранённо, как будто всё происходящее его не касается. Как это у него получалось, понять невозможно.

– Papier! (Бумаги!)

– Так я же говорю, господин унтер-офицер, вон я ему выписал папиру! – снова засуетился мужик, указывая на документы в руках Отто.

– Russische papier! (Русские документы!)

По возрасту парень вполне подходил под службу в армии, да и причёска какая-то странная у него. Русские же солдаты имели из документов только зольдбухи. Правда, если он какой-нибудь крестьянин, то у него может не быть никаких документов вообще, но тогда его можно просто сдать эсэсовцам для разбирательства. Но парень спокойно сунул руку в карман чистого, но повидавшего жизнь пиджака и вытащил небольшую книжечку, в которой без труда узнавался русский документ – так называемый паспорт.

– Ich bin Student. Nicht ein Militär. Moskau. Studieren. (Я студент. Не военный. Москва. Учиться.)

Акцент у этого русского был просто ужасен. Покрутив в руках документ и сличив фотографию, Отто задумался.

– Господин офицер, племяш это мой. Слышал, как шпрейхает? Во! – мужик показал оттопыренный большой палец правой руки, одновременно левой протягивая завёрнутый в кусок

материала приличный по размеру свёрток. – А это вам, закусить. Швайне. Вкуснящая, пальчики оближете.

Карл быстро принял свёрток и махнул Отто рукой. Мол, чего встал, пропускай. Молодой русский был подозрителен. Как-то знакомо он двигался, хотя это, наоборот, успокаивало, как будто тот человек с похожей моторикой был не опасен, а, наоборот, внушал доверие. Так и не разобравшись в своих чувствах, караульный протянул документ русскому и решил выкинуть всё произошедшее из головы.

– Schnell! (Быстро!)

Молодой легко вспрыгнул на телегу, старый щёлкнул вожжами, негромко прикрикнув на лошадь, и телега медленно покатилося в сторону городских домов.

* * *

– Эх, Костя, за ногу тебя, кому я говорил – сделай морду попроще, пожалостливей.

– Нормально всё прошло, Кузьма, ну какая жалостливая морда у московского студента?

– Обычная. Надо было всё ж фингал тебе поставить, тогда совсем хорошо было бы.

– С фингалом согласен, тогда и морда, и страх в глазах были бы к месту, но каждые два часа давать себе лицо бить не хочу.

– И что, правда, больше двух часов не держится?

– Проверено, через час уже жёлтый, а потом совсем сходит.

– Ненормальный ты всё ж.

– А кто спорит? Сейчас в комендатуру?

– Ну да, папиру тебе славную выпишем, чтобы не цеплялись, попереводишь мне, а к вечерку к своему связному отправишься. С ночёвкой, небось?

– С чего такие мысли?

– Как будто ты так сорвался бы мужика спасать, да всю дорогу, как на иголках, дёргался.

– Ну да, угадал.

– Не гадал я, так всё видно.

– Лады, замнём для ясности – ушей кругом много.

Полоцк городок невеликий, даже наша не слишком резвая коняга дотащилась до комендатуры за четверть часа. Здесь тоже стоял парный пост, но, кроме немцев, рядом ошивался местный безоружный холуй, почему-то в польской форме и конфедератке. Переговоры прошли в том же ключе, правда, без взятки, но с демонстрацией знаний языка, что вызвало гримасы немцев и победный взгляд холуя. Я на его месте не особенно радовался – язык он знал препогано, и не били его только потому, что указать на неточности его перевода было некому – потому этот умник и нёс всякую околесицу, попадая пальцем в небо в половине случаев. Я, естественно, влезать не стал, оно мне надо?

Наконец нас пропустили в хозяйственный отдел. Тот находился на первом этаже левого крыла и отдельно не охранялся. При входе же в правое крыло и на лестнице стояло ещё по часовому. Или орднунг, или бояться. Чиновник, принявший нас, был немолод и русский знал прилично. Своеобразное произнесение шипящих выдавало в нём подданного Царства Польского, получившего образование ещё при царе, но либо многое крепко подзабывшего, либо не считавшего в предыдущие годы, что память о бывшем общем государстве ещё для чего-то нужна. Что интересно, с Кузьмой он вёл себя как хозяин, сам будучи обычным рабом. Интересно, догадывается ли он об этом, упиваясь своим положением? Кузьма гнул, что еды у него нет, поставлять нечего, рабочей силы выделить не может... В общем, не шёл на уступки ни по одному вопросу, каждый раз требуя с поляка документ, что германская армия готова отказаться от попытки получить что-либо в следующем году, если сейчас потребует хоть центнер картофеля или одного человека.

– Нет, вы мне бумагу напишите! Мол, забирая сейчас семенной материал, рейх готов отказаться от будущего урожая, а также понимает, что голодные люди уйдут в лес и будут грабить и бандитствовать. Пишите, что бандитствовать разрешаете. Этих бандитов в лесу и так развелось...

За спиной скрипнула открывающаяся дверь. Вот же ж, твою же... Считал, понимаешь, вероятность встретить знакомого – получай цельных две знакомых физиономии, Борового и Фефера. Вновь прибывшие тоже сначала слегка подрастерялись. Не растерялся Говоров.

– Вон племяша моего, Костю, с месяц назад так избили – три недели пластом пролежал, думали, уж всё. А из-за чего – картоплю отнять пытались, а он полез. И что? Да ничего. Его отметелили прикладами, а картопли два воза в лес утащили. И лошадей, и телеги – всё с концами.

– Вам для поимки бандитов германским командованием оружие выдано.

– Ага, и винтарь тоже унесли.

– Он должен был задержать их и сдать в комендатуру.

– Тю, один с винтарём против двадцати рыл с пулемётами? Ну, господин хороший, ты и сказанул. Если бы он за оружие схватился, просто убили бы.

– На позапрошлой неделе бургомистр Балагуша арестовал трёх бандитов.

– Ага, слышали, только вот оружия при них не было, обычные беглые из лагеря. И где теперь тот Балагуша? На осине висит!

– Как, кто посмел?

– Вас они забыли спросить, господин хороший, те, кто его подвесили. Фефер, ты на осину хочешь?

– Не, мне и на этом свете неплохо, – Герман с Григорием, похоже, уже оклемались и решили вступить в полемику, давя на поляка. Верно, по тому же вопросу приехали – как немчуру послать и самим крайними не оказаться.

– Костя, ты как, отошёл? – сделал участливое лицо Боровой.

А это мысль, надо воспользоваться.

– Чуть не отошёл, Гриша, но выкарабкался. Боюсь только, с почками беда – ссу кровью. Мне бы бумагу какую, чтобы в больничку, – это уже обращаясь к поляку.

Кузьма мигом понял мой манёвр, хотя раньше мы такой поворот и не обсуждали.

– Да, господин Вуйчик, пострадал человек за рейх, кто ему поможет?

– А я тут при чём?

– Ну, уж нет, ясновельможный пан, если вы не будете помогать тем, кто борется за победу германского оружия, то кто будет? Я ведь к господам немцам пойду – скажу, что пан Вуйчик не хочет помогать, а значит, что?

– Ладно, ладно. Только медициной я не заведу. Вот, – поляк написал несколько слов на осьмушке серого бумажного листа и сунул Кузьме. – Отнеси в шестой кабинет.

– На, Костя, слышал куда? Иди, а мы тут с паном ещё поговорим.

Ну, похоже, в три рыла они его заплюют.

Шестой кабинет оказался в охраняемом крыле. Пятиминутные переговоры с охранником закончились вызовом разводящего, или кого-то подобного, после чего недовольный унтерфельдфебель провёл меня в пресловутую палату номер шесть. Сидящий там занитетсфельдфебель только глянул на мою бумажку и выдал другую ксиву – как я понял, обычный пропуск в госпиталь, после чего меня выставили из здания.

Дорогу до госпиталя хоть и знал, но спросить пару раз язык не отвалится. Часовой у входа в здание госпиталя только глянул одним глазом на пропуск и забыл о моём существовании. В коридоре поймал первого же попавшегося санитаря, оказавшегося немцем, а так как мне нужно было добраться именно до Ольги, то с этим парнем мне не удалось договориться, после чего тот спихнул меня на медсестру или санитарку.

– Что вам? – немолодая уже женщина имела загнанный вид и нездоровый цвет кожи, волосы, выбивающиеся из-под косынки, также не блистали здоровьем и чистотой.

– Мне бы доктора, лучше русского.

– На что жалуетесь? – женщина устало провела рукой по лбу, стирая бисеринки пота.

– Побили меня сильно, с тех пор болею.

– Господи, что болит-то: руки, ноги, голова?

– Писать мне больно, – сделал смущённый вид. – И кровь.

– Ясно, почки. Из русских врачей у нас только Ольга Геннадиевна, но она на операции.

Раньше чем через час не освободится.

Сердце аж подпрыгнуло. Она! Жива!

– А где подождать можно?

– Только на улице, здесь не положено.

Пофиг, на улице, так на улице.

Ждать пришлось не час, а значительно больше. Сколько не скажу – часов нет. Наконец знакомая санитарка вышла на крыльцо и махнула мне рукой. Перед дверью осмотровой она ещё раз окинула меня взглядом, затем заглянула в кабинет.

– Ольга Геннадиевна, привела.

– Проси, – от знакомого голоса по спине пробежали мурашки. До этого момента ещё были сомнения, что увижу её живую и здоровую, теперь же окончательно рассеялись.

Ольга сидела у окна, вытянув далеко вперёд ноги, но как только я вошёл, тут же подобралась, но заметно было, что прошедшая операция неслабо вымотала её. Глянув на меня, она с явным трудом встала, подошла к столу и, тяжело опершись, наконец внимательно посмотрела на меня.

– Мочитесь с кровью? – видно, сестра ввела её уже в курс дела.

– Есть немного.

– Насколько немного?

– Извините, а докторов мужчин здесь нет?

– Есть, но немцы вами заниматься не будут. Давайте рассказывайте, я сильно устала.

– Ну, чувствую себя, как аленький цветочек.

Женщина удивлённо посмотрела на меня, и вдруг зрачки её мгновенно расширились, будто вместо меня она увидела пресловутое чудовище. Быстро обогнув меня по широкой дуге, она подошла к двери, выглянула и плотно притворила створки.

– Вы от него?

– Как сказать? Вообще-то я – это он и есть, то есть я, я и есть. Тьфу, Оля, это я!

– Не говорите ерунды. Кто вы?

– Оля, голос у меня не изменился, а внешность... Ты должна понимать, что когда так быстро зарастают шрамы, то и может ещё что происходить. Странное.

Она задумалась секунд на тридцать.

– Чашу с чем готов принять?

– Чего? Подожди, понял – с цикутой.

– Это правда ты?

– Не понравился?

– Нет, что ты! Такой ты даже симпатичней, но как-то непривычно. Кто бы сказал, не поверила. Ты надолго?

– Вообще убедиться, что с тобой всё нормально.

– Да что со мной случиться может.

– После того как у вас здесь что-то взорвалось, ходили слухи об арестах, в том числе и в госпитале.

– А, это. Господи, каких только слухов здесь не ходило. Про тебя знаешь, что рассказывают? Ты генерал, тебя и твою дивизию сюда лично товарищ Сталин прислал! А ещё ты немецкий шпион и, как только всех коммунистов и евреев у себя соберёшь, так всех и расстреляешь.

– Грандиозно.

– Верить слухам последнее дело.

– Понял, понял, но всё одно приехал не зря.

– А вот с этим я согласна. Ты когда обратно?

– Уже гонишь?

– Не дури. Так когда?

– Завтра, наверно, если ты не предложишь другой культурной программы.

– Я здесь пробуду ещё часа два. Стемнеет через три. Живу на Коминтерна, двенадцать. Как стемнеет, ужин будет. Жду.

– Такая программа мне нравится.

– Не смейся, будь осторожен, во время комендантского часа немцы стреляют во всё, что движется. Но пройти можно просто. Не ходи по большим улицам, как свернёшь с Советской, сразу иди переулками.

– Названия у вас тут такие... как будто и оккупации нет.

– Говорят, вроде собираются переименовать, таблички давно сняли.

– Так как же я найду? Хотя, время пока есть – сейчас пройду по маршруту.

– Подожди, у тебя деньги есть?

– Да, рублей сто.

– Давай тридцать и держи вот эти таблетки. Это уротропин. Извини, что так дорого. Сейчас я тебе ещё рецепт напишу. Не для аптеки – просто, какие травы нужны.

– Да не болит у меня ничего.

– Не дура, по твоему цветущему виду и так заметно. Это если спросят: зачем приходил и чего назначили.

– Если ты такая предусмотрительная, то я не буду волноваться.

– Правильно. У тебя должно быть много других поводов для волнения, не хватало ещё из-за меня гипертонию зарабатывать.

* * *

Город. Странный город – высокие здания, широкие улицы, незнакомые автомобили непривычных очертаний, люди... Людей рассмотреть не удастся – точка, с которой вижу город, находится слишком высоко, но одежда на них ярких цветов и также непривычных фасонов. А ещё скорость – что автомобили, что люди движутся заметно быстрее. Нет, не как при просмотре дореволюционной хроники на современной аппаратуре, просто значительно быстрее, не как в Москве начала сороковых, но при этом естественно. Красивый город, который спешит жить. Ну что ж – его жизнь, пусть сам решает, как её прожить. Вдруг картина меняется – всё становится каким-то резким, чётким и... чёрно-белым. Автомобилей становится больше, ещё больше... В этом стаде железных животных, представленных ранее всего несколькими видами, всё чаще попадаются другие особи – на вид холёные, с ещё более непривычными зализанными силуэтами. А это что? Люди. Огромная толпа людей, заполнившая всю ширину улицы, обтекая припаркованные вдоль тротуаров автомобили, похожая сверху на полчища серых муравьёв, движется вперёд, захватывая город. Над ней... непонятно, наверное, огромное полотнище... Флаг, вот что это. Они несут его над головами, и тот закрывает середину толпы – грандиозный флаг в сотни, а может, тысячи квадратных метров. Трёхцветный, хотя самих цветов не различить. Толпа проходит, а автомобилей становится меньше. Нет, не так – их много, но они так и стоят вдоль тротуаров, то ли сами не желая

двигаться, то ли люди не могут или не хотят их заставить. Вот их движение стало совсем редким, в основном это те – новые, недавно появившиеся... Снова толпа. Теперь она не несёт флагов – она мчится по улице, а за ней остаются выбитые витрины и чадающие, часто измятые и перевёрнутые туши машин. Чем им машины и витрины помешали? Город замирает. Двигающихся машин почти нет, немногие люди, что показываются на улицах, спешат их как можно скорее покинуть, передвигаясь быстро и скрываясь за обгорелыми скелетами. То тут, то там вспыхивают пожары. Сначала их тушат люди, приезжающие на больших автомобилях, затем прекращают приезжать. День сменяется ночью, ночь днём. Всё меньше уличных фонарей и окон освещают город, пока тот не погружается в полный мрак.

И вот наконец в Город опять входят люди. Цвета так и не появились, но они уже не нужны – в мире осталось только два цвета, точнее, только два состояния света – его наличие и отсутствие. Ну и переходные оттенки серого. Один из таких оттенков и занимает сейчас город. Длинные, бесконечные колонны автомобилей и бронированных машин втягиваются на улицы Города. Армия. Своя или чужая? Почему-то казалось, что своя. Чужие не входят так спокойно, не получая сопротивления, по крайней мере в живые города, а Город был жив. Наконец Армия заняла Город и встала, не зная, что делать дальше. Армия – это инструмент – скальпель или кувалда зависит от обстоятельств и умения того, в чьих руках находится этот инструмент. Но Армия не может быть антибиотиком, и уж никаким образом ей не стать иммунной системой. Иммунная система общества – это совесть каждой её клетки, это желание клетки служить пользе организма. Если иммунная система начинает деградировать, а клетки одна за другой превращаются в раковые, есть шанс задействовать лекарства. Разные. Возможно, и в этом Городе они были: милиция, специальные органы государственной безопасности, возможно, они даже что-то делали... Но не срослось. Тогда кто-то, кому судьба Города была небезразлична, понял, что время терапии прошло, Город умирает, и он решился на хирургические методы. Армия занимала один район города за другим, вытягивая щупальца бронеколонн, выбрасывающих из своих недр муравьиные стайки бойцов, берущих под контроль какие-то, только им ведомые здания и сооружения. Город замер.

Вдруг, совершенно неожиданно, как будто изображение прыгнуло мне в лицо серой кошкой, перед глазами оказалась странная, явно бронированная, машина, увешанная непонятными приборами и механизмами, больше всего походившими на антенны, но больно уж фантастических, даже сюрреалистических, форм. Около машины находилось и несколько странных, наверно, их можно было бы назвать мотоциклами, если бы не многоколёсность и опять же необычный вид, небольших механизмов. Люди же, что сидели на них или находились рядом, могли бы вогнать в ступор любого, готового к контактам с марсианами или любыми другими пришельцами. Было в них что-то от средневековых рыцарей, но только либо мутировавших, либо развившихся до такой степени, что даже у Жюль Верна не хватило бы фантазии придумать такое. Жаль, что изображение было только чёрно-белое, потому, вероятно, многие нюансы их экипировки ускользали от внимания, но даже заметное говорило о том, что прогресс в оснащении этих воинов скользнул от знакомого мне невероятно далеко. Широкие фигуры, одетые в броню, а то, что было на них, вряд ли являлось чем-нибудь другим, не казались уродливыми или неуклюжими. Тяжёлые высокие сапоги и объёмные, увенчанные крагами перчатки не создавали ощущения, что мешают бойцам, а огромные, на мой взгляд, сферические шлемы с тёмными, практически чёрными забралами не вызывали ощущения, что внутри них находятся головы слепых кротов, настолько точны и отточены были движения. При всём этом взгляд будто не хотел задерживаться на бойцах, всё время пытаясь соскользнуть в сторону, на привычные уже детали Города.

Задняя широкая дверь машины откинулась в сторону, и из неё легко прыгнул на асфальт одетый в такую же, может быть, чуть более лёгкую броню человек. Никаких знаков различия на его экипировке не было, если не считать трёх крупных звёзд, нанесённых тре-

угольником на правую сторону грудной пластины. Один из стоящих рядом командиров, судя по линии из четырёх маленьких звёздочек на груди, это был командир, подскочил к вышедшему, отдал честь и, вероятно, что-то доложил. Вновь прибывший так же отдал честь, а затем единым слитным движением снял шлем. Он был уже далеко немолод, но крепок, морщины, избороздившие лицо, указывали на нелёгкую и явно насыщенную событиями жизнь. Коротко-стриженные седые волосы, щётка седых усов и до боли знакомый прищур глаз. Жорка!

И снова резкая перемена – время побегало, как в калейдоскопе. Взрывы, горящие бронемашины, танки, подавляющие своей красотой и совершенством, выбрасывают в небо фонтаны огня от сдетонировавшего боекомплекта, перевёрнутые и расстрелянные чудные мотоциклы. Частично разрушенные здания, лишённые где одного, а где и нескольких этажей, смотрят провалами выгоревших окон. Время от времени в одном из провалов появляется фигура человека, и тогда оттуда либо ударяет автоматная очередь, либо вылетает подобие ракеты. Низкая и длинная, метров пятнадцати, сочленённая из блоков бронемашина ведёт огонь из десятка различных стволов по стенам и крышам домов, а маленькие фигурки бойцов вдоль улицы тоже стреляют куда-то, то ли прикрывая гусеницу, то ли сами прикрываясь её огнём. Вдалеке, не менее километра от места боя, на одном из последних этажей высотного ранее белого, а теперь грязно-серого здания, вспыхивает едва заметная искра, а через секунду один из бойцов падает на асфальт, фонтанируя кровью из простреленной шеи – явно слабого места доспехов.

Я вслед за взглядом устремляюсь к месту, откуда произведён выстрел. Вот уже передо мной внутренности выгоревшей комнаты. У окна на одном колене человек. Невысокая женщина или девушка. На подоконнике странный агрегат с длинным толстым стволом, увенчанным массивным пламегасителем. Мощная оптическая система явно указывает, что это снайперское оружие огромной силы. Короткое движение ствола, и отдача сотрясает лёгкое тело. Ей, наверное, больно, вероятно, даже каждый последующий выстрел причиняет ей ещё большую боль, чем предыдущий, но она продолжает стрелять. Её одежда необычна – тёмная камуфляжная куртка, тёмные высокие сапоги и белые рейтузы, одно колено которых, то, на коем она стоит, тоже грязное. Тут она поворачивает голову, и я встречаюсь с взглядом желто-оранжевых глаз. Нет, показалось, ведь изображение чёрно-белое. Вид её страшен. На грязно-белом лице мима выделяются линии чёрных бровей, тёмные губы и провалы чёрных глазниц, в глубине которых сверкают огромные глаза с вертикальными зрачками. Вместо волос на голове что-то похожее на застывший волнами битум или пластик, слабо отблёскивающее на фоне оконного проёма. Мара? На левом ухе непонятная нашивка, от которой ко рту тянется нечто напоминающее стебель с расширением на конце, прямо около края рта. Губы открываются и закрываются – она что-то говорит, но я не слышу. Надо услышать, понимаю, что надо. Важно. Внезапно я слышу какой-то гул и скрежет, как будто на полную мощность включились динамики огромного приёмника, на котором никак не удаётся поймать волну. Но вот неизвестный слушатель что-то нащупал и теперь пытается настроиться точнее. Треск сменяется музыкой, но что это за музыка – рваный ритм незнакомых по звучанию инструментов бьёт не только по ушам, но надрывом низких частот по всему телу. Губы снова открываются, и я, наконец, слышу песню, точнее, звучащие речитативом слова:

Словно в глаза смерти,
Смотришь в глаза Смерти...

Звук обрывается. Помещение вдруг оказывается не выжженной комнатой, а довольно большим залом заполненным людьми и массой осветительной и, вероятно, съёмочной аппаратуры, по крайней мере, я так её идентифицировал. Две девушки бросаются к актрисе или певице, продолжающей стоять на колене у макета окна, но та, не дожидаясь помощи,

встаёт, сдирает наплёпку с уха, сунув её в руки одной из ассистенток, и что-то грубо говорит другой. Так что, получается, они здесь кино снимают? Нет, клип. Я не понял этого слова, но откуда-то из глубины памяти всплыло, что клип – это короткое аудиовизуальное произведение, выполняющее основную цель развлечения зрителей. Ничего себе они развлекаются!

Тут я замечаю, что актриса или певица, оттолкнув одну из девушек, идёт ко мне – не в мою сторону, а именно ко мне. По мере приближения она начинает наливать цвет: темные губы становятся всё краснее, пока не принимают цвет венозной крови, волосы или то, что их заменяло, приобретают тёмно-фиолетовый, точнее фиолетово-чёрный оттенок, а глаза с узким зрачком наливаются оранжевым. Не дойдя полшага, так, что всё пространство моего зрения занимает лицо с чёрными провалами глазниц на грязно-белом фоне, она улыбается, а улыбается ли, обнажив ровный ряд белоснежных зубов, только слегка нарушенный остриями небольших клыков.

– Потанцует?!

Я сидел на кровати со сбившимся до пояса одеялом. Рядом спокойно дышала Ольга. Ну не хрена ж себе, так и инфаркт недолго схлопотать. Постарался встать, не гремя пружинами.

– Ты куда? – раздался сонный голос.

– Подышать. Спи.

Схватил полотенце, что висело на спинке стула, и пошёл в сени – вытереть холодный пот и на самом деле отдышаться.

Доведут меня эти сны до желтого дома, как пить дать доведут. Ладно, раньше я видел своё возможное прошлое, откуда сюда и попал, а это что? Будущее? Вот уж вряд ли, будущего нет! Подсознание балует, а что сказать хочет? Да всё, что угодно! Есть такой способ – если пытаешься решить какую-либо проблему, но ничего не получается, то отпусти ситуацию: есть большая доля вероятности, что проблема решится, вот только как, это никогда не угадаешь. Надо пока отпустить.

Глава 2

Женщине, открывшей дверь, на первый взгляд можно было дать лет двадцать восемь, но приглядевшись, стоило скинуть минимум пять – фетровый берет и немного мешковатый жакет её значительно старили.

– Здравствуйте, Анна. Вы ведь Анна, я не перепутал?

– Нет. Но мне сейчас некогда. Я в комендатуре работаю, а немцы не любят, когда опаздывают. Можем поговорить по дороге?

– Не хотелось бы, чтобы нас видели вместе. Вам привет от Самуила Яковлевича.

– Не знаю такого.

– Ну как же, он ещё спрашивал вас, за что РКСМ получил первый орден. Вспомнили?

– Да. Вы кто?

– Да так, лесий. В лесу живу, незванным гостям неприятности по жизни устраиваю.

– Я бы хотела с ним лично переговорить.

– Не получится, он сейчас в другом лесу, не имею даже права сказать, в каком. Нам от него только ваш контакт передали, да и слова про первый орден вроде как для опознания.

– И что вы хотите?

– Да ничего особенного. Просто понаблюдайте, как ночью немецкие патрули перемещаются.

– Ночью на улицу выходить нельзя.

– Нас интересует только, как и когда они мимо вашего дома проходят. Несколько человек в разных местах посмотрят, а мы будем знать все их маршруты.

Тут я немного лукавил, не было у меня нескольких человек, чтобы вскрыть всю систему патрулирования, но худо-бедно с чего-то начинать надо.

– Вы в комендатуре чем занимаетесь?

– Учётом сбора сельхозпродукции. Сейчас в основном мясом для мясного цеха в Больших Жарцах.

– И как дела с мясом?

– Плохо, но вчера комендант получил много денег, вроде как несколько миллионов, будут организовывать закупки.

– Марки?

– Нет, что вы, наши рубли, наверно, во время последнего наступления захватили.

– Интересно, но не буду вас задерживать. Через некоторое время, точно не могу сказать когда, придёт человек, передаст вам привет от подруги. Кстати, как её зовут?

– Кого?

– Вашу подругу, уехавшую из города.

– Катя.

– Вот и отлично, значит, привет от Кати. А сейчас, извините, дела.

Пока шёл до гостиницы, где заночевали Кузьма с Германом, пару раз проверился на наличие «хвоста». Конечно, в оперативных делах я полный лох, но и гестапо сюда вряд ли пришлёт корифеев сыскного дела. Так что, скорее всего, всё хорошо.

Говоров запрягал свою флегматичную животинку, Фефер курил в стороне самокрутку.

– Позавтракали уже?

– Не, так сухомятки своей с кипятком похлебали. Цены тут зверские. Поселили по записке из комендатуры, но за еду гроши требуют немереные. Ну их. А сам?

– В норме. И нечего лыбиться. Поехали, что ли.

Дорога домой, она вдвое короче, чем из дома. Обедали в Жирносеках, откуда мы с Фефером уже и отправились дальше.

– Герман, у тебя девушка есть?

– Неа.

– Теперь есть.

– Не понял.

– Запоминай: Анна Вашкевич, живёт на улице Минской, дом шесть. Дня через три-четыре зайдёшь, передашь привет от Кати, так её подругу зовут. Той в городе сейчас нет. Обращаешь девушку, что у неё теперь такой гарный хлопец завёлся. Да, цветы можешь не приносить, а вот какую корзинку с провизией прихвати.

– А она гарбузом не угостит?

– А это как себя поведёшь. Я тебя спать с ней не заставляю – вам работать вместе, ну а дальше, как сложится.

– Делать-то чего надо?

– Пока только собирать сведения. Она живёт рядом с аптечным складом, а медикаменты нам дозарезу нужны, работает в комендатуре, вроде как курирует мясной цех в Жарцах.

– Чего делает?

– Заведует поставками мяса. Соображаешь?

– Ага. Здорово. А как на неё вышел?

– Через третьего секретаря горкома комсомола.

– Через Фишмана, так он вроде ещё до немцев усвистал.

– Вот и хорошо, что усвистал, меньше народа – легче дышать. Второе задание для вас: создание городского подполья, ну, или выход на существующее, если оно есть. Но только с чувством, с толком, с расстановкой – семь раз отмерь, потом подуй на воду и только после режь. Ясно?

– Леший, ну не маленький уже.

– Гера, сейчас ты практически сам по себе, а вот когда за твоей спиной будут десятки людей, то твоя ошибка – это их смерть.

– Ты потому такой смурной всё время?

– И поэтому тоже.

Калиничев встречал меня уже около лесопилки, которая опять простаивала. Видно, хорошо наладил разведку, по крайней мере, перемещения командира бдит.

– Так, Василий Львович, что у нас плохого?

– Всё нормально, товарищ командир. Я о чём хотел поговорить, если собираемся пленных освобождать, то надо срочно – немцы увеличили колонны человек до двухсот-трёхсот, но, главное, усилили охрану. Мы, конечно, и с десятком фрицев справимся, особенно из грамотной засады, но могут пленных много побить – теперь каждую колонну по два пулемёта сопровождают.

– Думаешь, были уже попытки нападения?

– Вряд ли, скорее, побег.

– Ясно. Завтра операцию сможем провести?

– Да, всё готово.

– Ну, тогда – с богом!

* * *

Скорость колонны не превышала трёх километров в час. Видно, что люди были здорово измотаны – шли уже не первый день, а зная щедрость немцев, немудрено было догадаться, насколько хреновым было питание пленных.

– Василий, сколько их?

– Наших двести одиннадцать насчитали. Полчаса было на двоих больше – расстреляли, сволочи. Ещё пятеро еле идут. Немцев девятнадцать человек при двух пулемётах, больше половины с автоматами.

– Командуй!

– Есть!

Командовать Калиничев не стал, просто переместился на пару метров левее и тронул за плечо пулемётчика. Тут же длинная, патронов на двадцать, очередь смахнула с замыкающей телеги сразу трёх немцев – возчика и пулемётный расчёт. В голове колонны ударил ещё один пулемёт – наш «дегтярь», судя по тому, что ему не ответил немецкий, так же удачно. На всём протяжении колонны захлопали выстрелы.

Неприятность этой засады состояла в том, что огонь нам приходилось вести с обеих сторон, что само по себе уже опасно. А уж то, что каждый промах по врагу – это почти гарантированное поражение кого-либо из пленных, накладывало негативный отпечаток на нервную систему стрелков. Хотя мы и отобрали два десятка лучших, но нервы всё одно не железные – как минимум три-четыре промаха всё же допустили. Избежавшие пули, а может, просто не сильно раненные враги открыли ответный огонь. Преимущественно из положения лёжа. Наши же бойцы, следовавшие в колонне, замешкались – попадали на дорогу около половины, остальные либо встали столбом, либо пытались идти, натываясь на стоящих и лежащих товарищей. Но вот наконец до некоторых полностью дошло, что происходит, – около трёх десятков пленных бросились в разные стороны. Вернее, это, наверное, им показалось, что бросились, а, на мой взгляд, скорее заковыляли, тем самым перекрыв нашим стрелкам направления стрельбы.

По большей части им повезло, так как немцы вели огонь по нам и проигнорировали попытку побега, но, на моих глазах, трое упали почти сразу. Вот тут и произошло следующее событие, завершившее не слишком удачное начало операции – некоторые из пленных решили не бежать или тупо ждать дальнейшего развития событий, а активно вмешаться. Причём таких активных оказалось достаточно, чтобы буквально похоронить оставшихся в живых немцев – на каждого, в конце концов, набралось по пять-шесть человек, навалившихся сверху. Конечно, сначала это были единицы, бросившиеся на спины отвернувшихся от них врагов. Кому-то из фрицев даже удалось вывернуться, но больше они сделать ничего не успели – их душили, били, топтали. Кому не досталось живых врагов, пинали трупы.

Как только началась свалка, тут же рванул на дорогу. Вместе со мной туда же побежали Калиничев и ещё несколько бойцов.

– Все направо! В лес! Быстрее!

На нас обратило внимания не больше четверти пленных, и только половина из них послушалась приказов.

– Направо! По ходу движения направо! Помогите раненым и тем, кто плохо передвигается! Быстрее!

За находящимся метрах в двухстах сзади поворотом ударил пулемёт, к которому присоединились несколько винтовок. Хорошо, если засада остановила одиночный грузовик, но надежды на это мало, отучились фрицы ездить по одному, но будем надеяться, что колонна не на десяток машин. Судя по тому, что немцы не отвечают, всё не так плохо. Ну вот, похоже, начали отстреливаться. Сколько, сказать сложно – от пяти до десяти стволов. Ничего, наши справятся. Засаде надо только пугануть и отойти.

На дороге остались только самые упёртые, что-то ещё пытающиеся доказать трупам врагов. Одного, влипшего оплеуху партизану, что пытался оттащить того от убитого немца, даже слегка отоварили прикладом, что пошло на пользу. Пулемётчики сработали грамотно – лошади в обеих телегах не пострадали. На телеги сейчас складывали трупы немцев – этих далеко не повезут, разденут и бросят по дороге, точнее, в стороне от нашего пути.

Вот заработал пулемёт передовой засады. Всё, уже не важно – в небо взлетела зелёная ракета. Общий отход!

Нет, бардак на этом отнюдь не закончился. В лесу по ходу движения раздавали хлеб и формировали маршевые колонны. Пытались формировать. Получалось не очень. Мат Нефёдова витал среди деревьев ощутимым плотным туманом. Даже не знал, что наш интеллигентный капитан может так ругаться. Ругался он, кстати, не один, но прочее сквернословие ощущалось как скромное приглушенное эхо. За пять минут движение в глубь леса, которое не прекращалось, не организованный беспорядок постепенно перерождался в организованный. Наконец образовалось нечто похожее на четыре колонны, как гусеницы, расплзающиеся всё дальше друг от друга.

– Капитан, сколько нетранспортабельных?

– Четырнадцать.

– Донесём?

– А куда мы денемся с подводной лодки?

Ещё один любитель моих анекдотов, но раз пытается шутить, значит, нервный откат пошёл.

– Хорошо. Дальше по плану, встречаемся в лагере номер три.

В лагерь пришли уже затемно. Скорость хода у голодных и уставших людей совсем почти никакая. Плюс переправа через две, пусть и небольшие, речки. Одно хорошо – люди запили сухпай, что им выдали, – немного хлеба с ещё меньшим куском мяса, опасались проблем, если сразу дадим много. Здесь всех уже ждала горячая пища, не только каша, но даже куриный бульон, хоть и жидкий. Что такое три десятка кур на две сотни человек?

Совещание проводили уже глубокой ночью.

– Капитан, что у нас с потерями?

– Двое умерли в дороге, пять тяжёлых, остальные легко и средней тяжести – этих одиннадцать. По троим из тяжёлых прогноз неутешительный. Лекарства нужны.

– Знаю. Работаю над этим. Старшина, что с довольствием?

– Без изменений. Еды больше не стало, а вот едоков... Шансы, что зиму переживём, есть, но надо активизировать добычу продовольствия. С тёплой одеждой ещё хуже, раньше кое-как закрывали потребности на три четвертых, то теперь, считай, сползли на половину. По медикаментам капитан сказал уже. По оружию не хватает больше ста стволов, боекомплект, если на всех делить, совсем мизер, кошкины слёзки. А коли, как сейчас, пулемётчиков держать на особом положении, то остальным по два десятка патронов останется. До зимы, конечно, ещё дожить надо, беспорточных можно и в землянках держать, оружие им там тоже не особо надо, но кормить всех придётся. А как? Вот и ломаю голову. Операции вроде сегодняшней будем продолжать? Если будем, то зимой просто вымрем, как мамонты.

– Надо, – влез Матвеев. Где, спрашивается, воинская субординация? – Русские своих не бросают.

Эх, бросают, Коля! Но лучше, как ты, верить, что нет.

– Кто ещё как считает?

– Понаблюдать надо, – осторожно взял слово Калинин. – Вряд ли немцы продолжат гнать людей так же. Что-нибудь придумают: либо ещё увеличат охрану, либо засады на нас начнут организовывать. Мы ведь и сегодня не на такую охрану надеялись. Максимум на десять-двенадцать человек, оттого и накладку произошла – не хватило по два стрелка на каждого охранника, как рассчитывали. Я с запасом два десятка взял, а у них только пеших тринадцать. Если ещё добавят дозоры на флангах, а скорость у колонны плёвая, не отстанут, то хрен нам даже и так свезёт.

– Вот и займись наблюдением, только издалека. Как бы они уже в ночь охотников не понасажали.

– Сделаю. Боровой мне тут собачку подогнал, немца за версту чует, от чего и жива, почти-тай, осталась.

– Георгий, на тебе доведение до старост, наших, естественно, текущей ситуации.

– Понял. Они тоже поймут, ныть станут, что продовольствия нет.

– Конечно, станут, только ты им объясни, коли в отряде еды не будет, придётся им бойцов под зиму на постой брать. Короче, пусть думают.

– Тогда они не ныть, а выть начнут.

– Пусть ноют, пусть воют, но продовольствие достанут.

– Вроде бы, – осторожно начал Матвеев. – Раньше политика другой была, местных не сердить.

– И сейчас не поменялась. Сердить не надо, а вот напрягать всё ж придётся. Старшина, мы из болота ещё винтовки извлечь сможем?

– Почему бы не смочь, вот только боезапаса к ним, как я и говорил, там нет. Ну не положили прошлый раз.

– Озаботим Георгия, как со старостами будет говорить, пусть поспрашивает, может, у них какая заначка есть. Поговоришь?

– Так им всё одно гильзы нужны будут для отчёта перед немцами.

– Ну, может, у них ещё где припрятано, после боёв собрали или брошенное что на дороге нашли.

– Тут надо не с ними, а с пацанами базарить. Конфет бы каких или шоколаду.

– Старшина, найдём?

– Немного есть, но это неприкосновенный запас, да и зачем пацанам конфеты? Нет, они, конечно, всё сожрут, но, может, чем попроще обойдёмся. Ножам немецкими складными, например.

– Ножи тоже сойдут, – Жорка заулыбался. – А шоколад девчонкам пойдёт. Либо напрямую, либо через ухажеров их. Те, что постарше, чтобы подлизаться к своим кралям, хоть немецкие корпусные склады обнесут.

– Вот это ты мне прекрати, – показал Жорке кулак. – Только бесхозное или сведения. Ты про корпусные склады так, для красного словца или что-то конкретное знаешь?

– Проскакивает тут кое-что, но пока конкретно говорить рано, проверить надо.

Ну, нехай проверяет.

– Тогда пока всё, товарищи, остальное в рабочем порядке.

Совещание хоть и закончилось, но голове моей роздыху, похоже, не намечается. Мария всё время, пока мы заседали, крутилась невдалеке, постоянно посматривая в нашу сторону. Прямо Мата Хари белорусского разлива. Ох, не нравятся мне её взгляды.

– Маша, ты чего-то хотела?

Девушка замялась, опустила очи долу, но совладала с собой и подняла глаза, продемонстрировав решительность во взгляде.

– Ты, правда, в Полоцк к кrale ездил?

Что-то такое я и предполагал. И что теперь говорить? Перефразируя, лучше горькая, но правда, чем прекрасная, но ложь? Не знаю. И чего-то боюсь.

– Ездил, чтобы встретиться с нашим человеком, боялся, что он попал в беду, – глаза Маши чуть ли не вспыхнули, но после продолжения погасли. – Да, это женщина.

– Ты её любишь?

– Не знаю. Может быть, – не хватило духу сказать правду.

Что же за сволочь я такая, думал уже удаляясь, – не рубят хвост частями. Трусость в человеке всё-таки сидит глубоко. Вроде и пуль стал меньше бояться, а вот сказать большую правду уже воли не хватает. А о Маше ли я беспокоюсь? Может, наоборот – о себе? Что, подлец, запасной аэродром готовишь? А вот ни хрена. Нет у меня к девушке никаких чувств, кроме

жалости и страха причинить боль. О другом даже думать не могли! Повернуться, подойти и сказать правду? И будь что будет.

Пройти успел всего шагов десять, но, обернувшись, Маши уже не увидел. Может, к лучшему? А вот это вряд ли.

Вальтер был завален работой если не по уши, то по плечи точно. Сегодня ему помогали аж четверо наших бойцов. Перед немцем стоял полуразобранный пулемёт, очень похожий на ноль восьмую немецкую модель, тот, который из лагеря забрали, но без станка, на сошках и с прикладом. Рядом стоял такой же второй, около которого и собрались красноармейцы.

– Здравствуйте, Вальтер. Что за чудо? На восьмой похож. Из вчерашних?

– Здравствуйте, господин командир. Он и есть, модификация пятнадцатого года под ручной. Не видели раньше?

Я, конечно, нет, а вот Зелински такие вроде застал, но вспоминается как-то смутно.

– Почему они у тебя?

– Господин капитан приказал осмотреть и объяснить вот этим камрадам, как с ними обращаться.

Ах, вот для чего здесь эта четвёрка. Самый сообразительный, заметив заминку в нашем разговоре с Вальтером, тут же полез с докладом.

– Товарищ командир, проходим инструктаж по овладению трофейным пулемётом. Командир пулемётного расчёта красноармеец Гордеев.

– Как, языковой барьер не мешает?

– Нет, товарищ командир. Да и пулемёт этот «максим максимум», только здорово легче. А немца мы научились понимать.

– Значит, хорошая машинка?

– Хорошая, только магазинов у них по одному. Лента, правда, отличная. Металлическая, не то что наши холщовые, отказов должно быть меньше.

– Хорошо, занимайтесь.

За то время, пока я разговаривал с бойцом, Вальтер, и когда успевает, уже собрал пулемёт.

– Ещё интересного чего было?

– Да, два ваших пистолета-пулемёта с круглыми дисками под маузеровский пистолетный патрон. Хорошие, лучше наших, но к ним тоже по два диска всего. Их господа офицеры забрали уже. Остальное обычные тридцать восьмые и девяносто восьмые карабины.

– Работы, я смотрю, у тебя хватает.

– Почти уже закончил, осталось восемь ваших винтовок в порядок привести, долго в воде пролежали.

– Скоро тебе такого добра ещё наташат.

– Да, у вас пополнение, я слышал.

– Именно, так что готовь масло, керосин или чего там надо. Работников подкинем. Может, даже, сначала раздадим оружие, а уже потом драить заставим, тогда на тебе только надзор.

– Боюсь, ваши люди, особенно из новых, не будут меня слушать. А к уходу за оружием в основном относятся плохо.

– Так, с этого места поподробнее. Кто плохо относится?

– Большинство. За чистотой оружия не следят, чистят редко и не тщательно.

Так, будет кому-то большая взбучка.

– Я понял, Вальтер. Занимайся своим делом, а пистон я кому надо вставлю. Пистон, это в смысле капсюль.

Нефёдова найти не удалось, усвистал уже в третий лагерь, потому пистон получил старшина. Ловить на улице никого не стали, а взгрели отдыхающую смену. С чистотой оружия и

правда был полный бардак. Нет, мхом, конечно, оно не поросло, но гарантировать штатную работу механизмов, в основном это, конечно, относилось к автоматическому оружию, Кошка наотрез отказался и пошёл сыпать нарядями. В лагере отчётливо запахло машинным маслом.

До вечера мы с Матвеевым вздрючили первый и второй лагерь, где народ распустился как бы ни ещё больше.

Калиничев вернулся уже по темноте. Да, похоже, немцев мы перепугали сильно. Автоколонны стали ходить ещё реже, но теперь насчитывали не менее двадцати-тридцати машин, в том числе с ними туда-сюда мотается и бронеавтомобиль, похоже, та самая двадцатка, БА-20, что мы как-то встретили. Сопровождает он не каждую колонну, но на дороге появляется периодически. Пленных же вообще не было. Видимо, нашу дилемму фрицы решили самостоятельно. Ну, это мы ещё поглядим.

* * *

– В общем, так, – Байстрюк склонился над картой так, чтобы не заслонять мне обзор. – Вот здесь, если по железке на север двигать, не доежая Замошья, это где сапёров приложили, есть разъезд. Он без названия, просто под номером девятнадцать числится. А около него здорovenный лабаз, раньше там пиломатериалы складировали, что с соседних лесопилок поступали. Теперь немчура вышки поставила, колючкой всё опутала. Вагоны разгружают, автомобили, наоборот, загружают и на восток гонят. К сожалению, больше ничего конкретного.

– Калиничев, что скажешь? – я глянул на задумчивого начальника разведки. – Имеет смысл пошупать?

– Имеет. Отправлю группу. Сержант, у вас выход на местных есть?

– В Замошье, в двадцать втором доме живёт Силантий Ивашкевич. Он свояк бургомистра из Молодёжек, Бориса Сосновского.

– Надёжен?

– Борису он это рассказал с намёком. То, что свояк с нами знается, Силантий подозревает. А вот с каким намёком говорил, тут уж бес его знает. Может, для пользы нашей, а может, и нет.

– Ещё есть через кого на него выйти?

– Не знаю, да вы, товарищ лейтенант, у Бориса сами и спросите, всё одно ж пойдёте сначала с ним поговорить.

– Спасибо за совет, – лейтенант криво усмехнулся.

– Да мы же всегда, пожалуйста.

– Сержант, – цыкнул я на Жорку. – Отвечайте на вопросы старшего по званию по существу.

– Есть, товарищ командир партизанского отряда «Полоцкий мститель», – Байстрюк встал навытяжку, уставившись на меня бараньими глазами.

Тьфу ты, клоун. Опять пора песочить. Дисциплина падает со скоростью стрелки осциллографа, стремительный домкрат отдыхает. Сегодня с утра старшина ещё трёх похмельных в яму на губу отправил. Говорит, самогон поступает в отряд во всё больших количествах отвратного качества. Зимой, того и гляди, голодать будем, а продукты на самогон переводятся. Да, с деревенскими хрен что поделаешь. Что им лекции читать?

– У вас всё, сержант?

– Так точно.

Калиничев поморщился, но промолчал. А вот от старорежимных «так точно», «никак нет» и прочих Жорку хрен отучишь, если уж гауптвахта до войны не исправила, то хоть кол на голове теши.

– У вас, лейтенант?

– Есть непроверенная информация, хотел бы провести разведку.

– Что за информация, – Василий промолчал, выразительно глянув на Байстрюка. Тоже мне, тайны мадридского двора. – Сержант, свободны. Через полчаса подойдите ко мне, разговор будет.

Угу, будет, и неприятный.

– Продолжай, – кивнул лейтенанту, заодно давая знак, что можно перейти к менее формальному общению. Лейтенант мне нравился, чувствовалось, что был хорошим грамотным командиром и станет ещё лучше, если выживет, конечно.

– Есть сведения, что здесь, – Калининчик ткнул в карту, – немецкий аэродром.

– Откуда?

– До смешного. Когда вчера на разведку к дороге пошли, Борового встретил. Ну, языками слегка зацепились, а я возьми да скажи: узнать бы ещё откуда немецкие самолёты нас гоняли. А он возьми да ответь: а чего думать – вестимо, с аэродрома из-под Владычино. Мол, самое близкое место, раньше там наши базировались, а теперь, небось, немцы.

– Хм, километров тридцать будет, это если по прямой. Не факт, что он там.

– Туда самолёты после бомбёжки уходили, во всяком случае, в ту сторону.

– Ну а нам-то что?

– А зачем здесь аэродром нужен, не нас же гонять? А если они его для перегона самолётов на фронт используют? Ну, там для дозаправки и прочее.

– Ага. А это значит, там может не один «Шторх» куковать, а есть шанс ещё кого зацепить, – а ещё там может быть прочая авиационная инфраструктура, в том числе и топливо. – Посылай группу.

Глава 3

– Исходя из вышеперечисленного, мы имеем: на самом аэродроме находятся примерно шестьдесят-семьдесят солдат противника, из которых около двадцати – двадцати пяти несут караульную службу, остальные техники и прочая обслуга. На вооружении охраны в основном карабины, но тут и тут, – Калининчик ткнул в разложенную на столе схему, – оборудованы две пулемётные огневые точки. Ничего особенного – выложенные в три четверти круга мешки, наполненные, вероятно, песком. Чуть выше метра. Здесь и здесь – подобного типа сооружения, но большего размера, вокруг малокалиберных зенитных установок. Расчётов при них нет. Одновременно на постах находятся от шести человек днём, до восьми ночью. Утром, после обеда и вечером по периметру проходит парный патруль – проволоку проверяет. Проволочное ограждение простое – колючка на двухметровых столбах, редкая – если одну нитку срезать, то можно спокойно пролезть. Да, они там банок консервных ещё повесили, пустых. Нечасто, но если неосторожно дернуть проволоку, то могут и забренчать, но от ветра они и так время от времени постукивают. Вот здесь стоит что-то вроде прожектора, бойцы точно не поняли, что именно, но по описанию похоже.

– Значит, семьдесят, – капитан потёр подбородок. – Немало.

– В связи с тем, что ночью на аэродроме могут быть самолёты, то ещё и экипажи, – я тоже задумался. – Лейтенант, сколько их там бывает?

– Самое большое, за три ночи наблюдения – четыре. За день дозаправляется до полутора десятков. Половина транспортники – те как на запад, так и на восток летят. Остальные боевые – те на восток. Ну, ещё маленький самолётик есть, он там всегда стоит.

– Тащ командир, пилоты, по-моему, это фуфлю. – Байстрюк, как всегда, в своём репертуаре. Нефёдову не нравится, что он присутствует на наших совещаниях, но по мне толк от него есть. Иногда предлагает неординарные решения, не все подходят, но от некоторых толк бывает. Он как бы олицетворяет собой такую молодёжную прослойку, не обременённую высоким образованием, но имеющую приличный житейский опыт. У старшины свой опыт, у капитана и меня свой, даже лейтенант, хоть по возрасту с Жоркой и схож, но на вещи смотрит по-другому.

– В смысле? – Нефёдов, как всегда, недоволен, что Георгий влез без спросу, но терпит. Привычка.

– Да чего они со своими пестиками могут? Только бегать будут, как ошпаренные, какие из них вояки.

– Не думаю. Если в казарме засядут, то могут и дел наделать. Пистолеты в тесных помещениях получше карабинов будут, а вот то, что у них нет опыта наземной войны, это, наверно, правда. Элита.

Не любит капитан элиту, причём любую, что военную, что хозяйственную, да и вроде бы партийную недолюбливает.

– Откуда может подойти подкрепление к противнику? – летчики не так важны сейчас, потому перевозжу внимание на более актуальные темы.

– К аэродрому можно подъехать по двум дорогам, – лейтенант обращается уже к карте. – Но с трёх направлений, потому как к северной дороге примыкает ещё одна, с северо-запада. Наиболее вероятное направление – это юг, здесь в деревне Азино довольно большой гарнизон стоит, до трёх десятков немцев. С севера Владычино, немцев нет, но есть полицейский опорный пункт – это они его так называют. Полицаев там шестеро, но не думаю, что они задницу оторвут, особенно если поймут, что им её мы можем оторвать. С северо-запада Борки, но там чисто.

– Это, я так понимаю, те, кто могут отреагировать в течение часа, а в течение трёх-четырёх?

– Здесь сказать сложнее. За четыре часа, хоть и по ночи, могут и из Полоцка нагрянуть, а уж днём подавно. У них же рация – если сигнал подадут...

– Ладно, пока отложим, – капитан опять пододвинул схему. – Что по постройкам?

– Вот эта, большая, казарма. К ней примыкает пристройка, над ней антенна – здесь, скорее всего, рация. Здесь, с противоположной стороны полосы склад, но в него почти никогда не заходят, может, и пустой. А тут, чуть в стороне цистерны, из них самолёты заправляют, точнее, сначала в бочки заливают топливо, а потом на грузовике, он здесь же рядом всегда стоит, везут к самолётам. Те ставят сюда, около западной зенитки.

Строений на большой площадке аэродрома было негусто. Хорошо это или плохо? А вот хрен его знает. С одной стороны, хорошо – мало будущих очагов сопротивления, с другой – вокруг них много свободного пространства, причём хорошо простреливаемого. Поправил полубок. Да, ещё неприятность – сегодня снег выпал. Старшина говорит, что он стает – не держится никогда первый снег, но всё равно неприятно. Что ночь, что день, а красоваться на белом, изображая из себя мишени... Есть, правда, уже белый камуфляж, но мало.

– Старшина, что из техники можем выделить для рейда?

Кошка даже не задумался.

– На ходу, считай, всё, но бензина мало. Три машины и мотоциклы заправим, и всё. Думаешь, удастся топливо у немцев взять?

– Если сами не спалим случайно. А гужевого транспорт как?

– Тут от времени зависит. Если дня два дашь, то от двадцати до тридцати телег наберём.

– Капитан, сколько людей можно привлечь для операции?

– Да хоть всех, почти. Только зачем нам там пять сотен бойцов, да и не проведёшь их без проблем. Надо брать первую и вторую роты и всё усиление, что есть.

– Пушки взять хочешь?

– Нет, пушки пусть лежат там, где их старшина припрятал. ДШК тоже оставим, патронов к нему, считай, нет. Миномёты возьму и ампуломёт. Лейтенант, есть там, где миномёты расположить?

– Да, специально разведчикам дал указания и под миномёты позиции разведать, и под сорокапятки.

– Тогда так, старшина, пятидесятимиллиметровые я забираю все, а под восемьдесят второй пятьдесят, нет, хватит сорока штук. Это всё равно больше, чем пятидесяток осталось.

– С артиллерией и зажигалками надо бы поосторожнее, – заволновался Кошка. – Особенно с огнём.

– Не бойсь, старшина, будет тебе бензин, весь не сожжём.

– Что у нас по подрывным группам? И по зарядам тоже.

В этот раз старшина думал секунд десять.

– Групп готовых четыре, с зарядами хуже. Научились делать самодельные взрыватели из гильз, но срабатывают они не всегда, а если срабатывают, то не всегда детонация проходит. Где-то один раз из двух. Решили просто ставить по три взрывателя на заряд. Если принять этот вариант, то десятка три есть. Можно, конечно, немецкие в дело пустить, но хотелось бы придержать – поездов фашисты с каждым днём всё больше пускают, а на морозе наши самodelки могут и вообще сдохнуть без толку.

– Ясно, тогда три группы отправляем в Псковскую область. Мы там уже раз были, так что местность хоть как, но знакома. Пусть минируют железку на участке Идрица—Пустошка, ну и можно ещё восточнее. Надо от нашего месторасположения немцам глаза отвести. Подрывники уходят прямо сегодня. Одна группа готовится с отрядом на аэродром. Всё?

– Товарищ командир, – вот и Матвеев проклянулся, а то молчал всё время. – Кроме бензина, неплохо бы и рацию захватить.

– Неплохо. А толку?

– Так мы, когда свежих опрашивали, про раненых забыли...

– И?

– Есть там один мужичок, Кондратьев, он, оказывается, радиолюбитель. Добровольцем пошёл, попал просто в стрелки, а оказался мужик с мозгами. Я ему немецкие рации, что от эсэсовцев достались, показал, так он говорит, толку от них чуть. Нужно что помощней и с другим диапазоном частот. Я в этих делах никак, но тот утверждает, что может связь с Большой землёй наладить.

– Здорово бы, конечно, но даже если он до Москвы достучится, то кто нам там поверит?

– Вот и он так сказал. Но это если людей нужных не знать.

– А он знает?

– Важных не знает, но московских радиолюбителей, говорит, знакомых немало. У них там какие-то свои заморочки с паролями и прочими хитростями. В общем, если он со своими свяжется, то уже полдела сделано будет. Это с его слов.

Попробовать, конечно, стоит, но что-то мне говорит, что толку будет чуть.

– А ещё, – снова влез Байстрюк, – крупнокалиберный пулемёт тоже можно взять – к нему патронов добавилось.

– Откуда? – оживился Кошка. – Почему я не знаю?

– От пацанвы местной. Я же говорил, что если место хорошо прикормить, то клёв будет.

– Сколько?

– Пока сорок три, но обещали ещё поискать, и мины «пятидесятки» есть – шесть ящиков, а ещё они БТ подбитый нашли, без пулемёта, правда, но снарядов, говорят, завались. Только они патефон хотят.

– Что, танцы будут устраивать? – старшина хмыкнул.

– Именно, пацаны же перед девчонками хвосты распускают.

– Хорошо, будет им патефон и пластинок десяток, есть у меня парные. Только ты уж поторгуйся там.

– Чай, мы с Привоза. Не бойсь, папаша, Жора своего не упустит.

– Отставить базар, – я хлопнул по столу. – Если кто давно сортир не копал, могу поспособствовать.

* * *

Часовой у ворот чесал задницу. Вот час смотрю, а он всё стоит и чешет – не постоянно, но периодически. Жорка уже минут через пять начал хихикать и предложил выписать ему пилюлю от чесотки. Естественно, свинцовую. Это он так творчески обыгрывает мою шутку о лучшем средстве от перхоти. Что меня в свою очередь удивило, это то, что он не слышал о гильотине. На что этот обормот, совершенно не стеснясь, заявил, что учебник истории шёл в школе на самокрутки первым.

А темнеет сейчас рано, ноябрь, почитай, уже на носу. Хорошо, снег растаял – прав был, однако, старшина. А вот распутица страшная. Пока прошлой ночью гнали машины, сели в грязь четыре раза. Однажды даже обе машины пришлось вытягивать, но добрались, и вроде даже никто на нас внимания не обратил – из тех, кому не надо.

Патруль прошёл, через полчаса можно на позиции выходить – капитан прислал вестового, что он может хоть сейчас начинать. А вот этого не надо – спешка нужна в других случаях. И опять меня колотит. Нервишки. Нервишки лечить надо, но нет у нас санатория с лечебными грязями и душем Шарко. Обычной грязи завались, дождь – да хоть залейся, но это не помо-

гает, вроде как даже наоборот. Дождичек, кстати, опять накрапывать начинает. Для лёгочного здоровья это не полезно, а вот то, что он ещё немного нас прикроет в наступающей темноте – вот это ему респект и уважуха.

Что за чёрт! Чего это они забежали? Ох, не к добру это. С фигни этой, которая вроде бы прожектор, зачем-то брезент стаскивают. Точно – прожектор. Включили и луч почему-то вверх направили, его, кстати, в каплях дождя хорошо видно. А вот и ж-ж-ж – летит кто-то. Блин, если грохнутся при посадке, тут всю ночь такой муравейник будет! Вот они, две штуки, маленькие, не то что два транспортника и бомбер, что на стоянках. Похоже, истребители. Пошли на круг, а прожектористы луч опустили и сейчас посадочную полосу освещают. Вот сейчас и глянем, грохнутся или как.

Не грохнулись – зашли на посадку сразу один за другим с разницей метров в двести и спокойно сели. Мастера. Вот дождались кого-то из аэродромной obsługi и поехали своим ходом на стоянку. Вылезли и почапали в сторону казармы, только в кабины что-то объёмное забросили, ставив с себя. Наверное, парашюты.

А к самолётам уже грузовик с бочками рулит. Вот гадство, теперь не меньше часа провозятся, по крайней мере, с большими столько возились.

Ан нет, немцы тоже спать хотят – меньше чем за полчаса управились. Что-то сказали напоследок часовому, наверное, пожелали спокойной ночи, заготовили и тоже отправились к казарме. Автомобиль встал на своё законное место у бочек с топливом. Наконец затихли.

В казарме ещё продолжал гореть свет – небось, лётчики ужинают. В животе при мыслях о еде аж забурчало.

– Жорка, пожрать чего оставили?

– Да вот перловка – холодная только, сам же знаешь.

– Давай команду на выдвижение, а я пока успею червячка заморить.

Наедаться перед боем примета нехорошая, но мне сегодня в атаку не идти.

Атаковать решили, не дожидаясь утра, утренний сон он, конечно, сладок, и гостей никто не ждёт, но нам ещё когти рвать, а нас много. Старшина добыл только тринадцать телег. Хотя я и не суеверный почти, особенно когда мне всякая чертовщина не снится, но огорчился. Не из-за самой цифры, а то, что она такая маленькая. Пришлось брать с собой несунув. Для порядка обозвали их резервом, но главная, я надеюсь, их задача – утащить всё, что под руки попадётся. Резервом командует наш главный хомяк Кошка, ну тут ему и вожжи в руки.

Электростанцию немцы ночью не гоняют потому и освещение тусклое – шесть керосиновых фонарей на весь аэродром. Удастся нашим хоть сколько часовых тихо снять? По идее, уже должны начать. Ага, какое-то шебаршение около самолётов. Вот только не я один его заметил.

– Hans, was bei dir passiert? (Ганс, что у тебя происходит?)

Нет ответа! Ба-ба-бам! Ответили! Сразу с трёх сторон! Пока в работу включились три пулемёта и два десятка винтовок – как и должно было быть. А вот дальше начался бардак! Как это – одни стреляют, а другим нельзя? С каждой секундой всё больше желающих присоединиться к веселью открывали огонь. Чёрт побери, в немцев они хрен попадут, а вот бензин сожгут и рацию угробят, как два пальца... Немцы, кстати, не очень-то и пострадали – оба пулемёта уже лупят по нам, только в путь. Чёрт, чёрт, чёрт! Если сейчас ещё и из казармы выскочат, то совсем беда.

Бух! Тяжёлая мина удачно легла перед дверью казармы, когда та только открылась, смахнув назад немца, пытавшегося покинуть теплое жильё. Ну куда на холод в одном исподнем?

Бат-ц! А это уже «пятидесятка». Хотя легла и с недолётом, но крайне малым, и один из вражеских пулемётов замолк! Не зря капитан тащил с собой теодолит, что мы вывезли из Полоцка, пригодился. И телефоны тоже не зря – вторая мина разорвалась прямо посередине мешков, что прятали пулемёт с расчётом.

На второй пулемёт капитан потратил целых пять мин, одновременно всадив ещё две восьмидесятки прямоком в крышу казармы. Ещё пара таких попаданий и мины уже начнут рваться внутри – пока только кровлю разметало, но и сейчас врагам внутри не позавидуешь. Дверь пристрелял один из пулемётов, а из окон попробуй ещё быстро выскочи, да и по ним бьют неслабо. Стреляющих стало заметно меньше – либо командиры порядок навели, либо сами поняли.

Прошло ещё минуты три – миномётчики полностью расчистили препятствия, и теперь одна за другой в казарме разорвались три мины. Что примечательно, радиорубку не тронули. Кому бы помолиться, чтобы рация цела осталась?

Внутри разгромленного помещения, похоже, начал разгораться пожар, но его пытались тушить. По пожарным постреливали, не давая особенно разойтись. Бах! Бах! Бах! А вот это уже гранаты. Пулемёт тут же заткнулся – пулемётчик, видно, опасается своих зацепить. Ударило ещё несколько винтовочных выстрелов, и всё!

Тишины не было. Из полуразрушенного помещения раздавались крики, а также чей-то, на одной ноте, вой!

– Nicht Schießen! Wir aufgeben! (Не стреляйте! Мы сдаёмся!)

– Выходи! Руки вверх! Хенде хох, – говорю.

Это что, всё? Десять минут, и принимай пленных? Бах! А вот тебе хрен – граната разорвалась на улице, там, где должны были быть наши.

Ну что ж, мы в ответе за тех, кого не додушили!

Гранаты рвутся одна за другой. Вот кто-то из бойцов заскакивает в распахнутую дверь и начинает длинными очередями расстреливать кого-то внутри. Надо будет узнать потом, кто, и вклеить пару нарядов, да что пару – все пять! Ещё несколько стволов бьют внутрь через разбитые и вывороченные окна. Короткими! А этим благодарность. Господи, о чём думаю?

Короткая перестрелка со стороны склада. Ну да, там же тоже часовой... был. Надеюсь. Вой из казармы больше не раздаётся. Умер, наверно, а скорее, добились. Они же мне там сейчас всех перебьют, надо бежать.

Прибежал! Фу, есть вроде пленные – раз, два... Шесть человек, четверо ранены, но легко, скорее поцарапаны. Кто, так просто не разберёшь, – все в исподнем.

– Die Offiziere haben? (Офицеры есть?)

– Ja. Ober-Leutnant Franz Haeckel. (Да. Обер-лейтенант Франц Геккель.)

Геккель оказался штурманом сто одиннадцатого «Хейнкеля». Здесь же среди пленных был бортовой стрелок одного из двух пятьдесят вторых «Юнкерсов». С «Юнкерсами» нам не повезло, они летели с фронта порожняком. Бомбер и оба истребителя, наоборот, летели на фронт. Повоевать хотели. Пусть обломятся. Сколько вреда они могли принести и сколько унести жизней? Теперь уже нисколько.

Объяснил лейтенанту и стрелку, что их жизнь зависит от того, насколько хорошо они будут помогать нашим бойцам в разграблении их самолётов. Несогласных, что неудивительно, не оказалось. Немцы к порядку привычные – попал в плен, выполняй приказы и не рассуждай.

Три десятка бойцов под управлением нашего немца Вальтера и при помощи двух бывших военнослужащих Люфтваффе отправились раздевать летающие машины. А вокруг, как всегда, царил бардак.

Начинающийся пожар уже затушили и разбирали развалины бывшей казармы. Пару раз прозвучали выстрелы. Ещё раз выстрел прервал начинающийся на слове «нихт» крик. От остальных пленных особого толку не было – обычная аэродромная обслуга, пара рядовых, пара сержантов. Отправил их в помощь разбирающим самолёты.

– Георгий, – окликнул пробегающего мимо Байстрюка. – Рацию глянул?

– Ага. Вроде цела, по крайней мере, дырок нет. Сейчас мужики её пакуют.

– Осторожно!

– Да понятно.

– Капитан ушёл?

– Да, они сразу снялись и убежали.

Нефёдов со своими людьми после окончания боя должен был пойти на усиление засады, что блокировала дорогу с южного направления, откуда был наиболее вероятен подход помощи противнику. Хотя помогать и некому, но немцы-то об этом не знают.

Пока допрашивал пленных, на взлётное поле въехали три машины и тут же разделились – одна направилась к складу, вторая к казарме, а третья к стоянке самолётов. Тут же появился и наш гужевой транспорт.

Склад не порадовал, я рассчитывал на большее – такое огромное помещение, а занято меньше чем на четверть, да и то в основном какие-то колёса и металлические конструкции непонятного назначения.

– Есть что ценное? – спросил распоряжавшегося здесь Егоршина.

– Консервы, крупы, патроны, снаряды к пушкам зенитным. Парашюты нашли, с десятков. Запчасти ещё какие-то, решили их немцам не оставлять – хоть в болото свезём сбросим. А так – бедно живут.

– Сержант, тут шоколад и пойло немецкое, – вдруг раздалось из угла.

Похоже, бойцы до лётных пайков докопались.

– Ладно, давайте здесь споро. Время – жизни.

На улице перехватил Кошку.

– Что, старшина, небогатые немцы нам достались, похоже быстро всё выгребем.

– Вот уж не знаю, командир. Вон главная проблема, – указал тот на стоянку. – В них же чего только нет. И оружие, и рации, и провода всякие, да и сам металл со стеклом бронированным. Народ даже кресла отвинчивает – уж очень они удобные. Опять же топлива больше тридцати бочек, и это мы ещё с самолётов не сливали. Конечно, всё сливать не будем, что-то и гореть должно, но всё одно много выйдет.

– Хорошо, работайте. Всё сможем унести?

– Всё унести никогда нельзя, – философски заметил старшина. – Но надо стараться. Что не съедим, то понадкусываем.

Людской муравейник прямо кипел – все что-то несли, тащили, волокли. Трое бойцов то ли снимали с радиорубки антенну, то ли отдирали металл с крыши, а может, и совмещали. Мимо группа из десятка человек пронесла, с матами, какие-то ящики – почему не погрузили на телегу или машину, непонятно, но раз волокли на горбах, значит, смысл в этом есть. Наверное.

Прошло примерно где-то ещё около получаса, когда на юге ночную тишину разорвали звуки выстрелов и взрывов. Перестрелка длилась минут пять, после чего сошла на нет. Ещё через десять минут явился конный вестовой, как не боится верхами по такой темноте шастать, и доложил, что немцы, потеряв убитыми около десяти человек, отошли. Удачно попали в минную засаду, перестрелка же, скорее всего, результатов не дала, но противник устрешённый дал дёру. У нас нет даже раненых. Вот же я идиот, так и не поинтересовался нашими потерями на аэродроме.

Отпустив вестового, нагрузив предварительно ценными указаниями, которые, в общем-то, на фиг никому не нужны, отправился к месту, где горело несколько фонарей, но особого ажиотажа не отмечалось. Как и думал, оказалось нечто вроде полевого перевязочного пункта.

– Геращенко, что у вас?

– Трое раненых. У одного пулевое навyleт в районе ключицы, несложное. Двоих осколками гранаты посеколо, одного здорово. Мне бы телегу, нужно лёжа транспортировать.

– Может, лучше на машину?

– Машины наверняка с перегрузом пойдут, застревать будут, к тому же тряска сильная, а так мы потихоньку – я рядом пойду.

– Как скажете, вам виднее.

Опять малой кровью обошлись. Повезло, вот только надолго ли? Вообще всё странно – на фронте у немцев чаще всего всё получается, хотя и не везде, от Ленинграда они войска отводят, так его и не взяв, а вот здесь у нас всё получается на загляденье. Не понимаю, а всё что не понимаю – опасно. И планирование у нас на самом примитивном уровне, и бардак тот ещё, но мы бьём немцев и достаточно удачно уходим от их ответных ударов.

То есть причины придумать для этого можно. Вот так с ходу: здесь почти сплошь тыловики к нормальному бою не приспособленные, хотя мы и с эсэсовцами справлялись, но только тогда, когда те попадали в засаду, а нас было больше. Ну, или столько же. Причина? Причина. Следующее: сейчас мы делаем то же, что и немцы на фронте, – концентрируем силы и бьём там, где нам выгодно. А почему прекратили получать противодействие? Тут, скорее всего, причин несколько: первая, смогли частично уничтожить, частично нейтрализовать те силы немцев, что они могут выделить конкретно на этот участок, вторая, противник, вероятно, считает, что сможет закончить войну в ближайшее время, оттого и концентрирует все силы против Москвы.

В чём-то они правы – закончи войну, и все наши потуги никому не нужны, но в то же время не могут же они не понимать, что потеря Москвы – это не конец войне. Странно и непонятно, а про непонятно я уже говорил. Ладно, не до того сейчас, позже попробую обмозговать.

Уходили тяжело нагруженными, даже мне достался какой-то мешок, точнее, я сам его взял. Старшина настойчиво предлагал и обратно на машине отправиться, но смысла в этом особого не было: за оставшееся тёмное время автомобили до базы отряда не дойдут, да мы на это и не надеялись, подготовив для них хорошее укрытие в болотах у Больших Жарцов. Знаток немецкого языка там был, так что автоколонну из четырёх автомобилей спихнул на Тихвинского, а сам почапал с отрядом. Нет, конечно, чистого, хоть и слегка грязного, грузчика я изображать не пытался – в охранении от меня толку больше, потому и груз я только половину времени тащил, а вторую половину шастал по кустам, натаскивая к этой работе бойца из нового набора. Фамилия у него была Кушенко. Сам невысокий, худой и лопоухий, но утверждал, что лес знает. Вроде и правда в лесу не первый раз – в муравейник не залез ни разу и о деревьях головой не стучится, но ходить нормально всё одно не умеет, смотреть тоже, но орёл. Так и хотелось двинуть в ухо, когда он в третий раз, невзирая на приказ молчать, полез с вопросами, хорошо хоть шепотом. С кем приходится работать!

Уходили опять четырьмя разными маршрутами. Наша колонна к рассвету сделала километров десять, но ноги все еле таскали. На привал расположились в редком лесочке. Только расставил посты и вернулся к основному отряду – рухнул как подрубленный.

Девушке, на первый взгляд, было лет восемнадцать. Одета она была в белоснежный сарафан, отороченный поверху и понизу крупным красным рисунком. Рукава были украшены подобным же узором, но только рисунок был мельче. Длинная русая коса, переброшенная на грудь, спускалась почти до колен, на голове же красовался венок, сплетённый из крупных белых и красных цветов. Только внимательно взглянув в её глубокие голубые глаза, заодно заметив мелкие морщинки возле них, можно было догадаться, что женщина старше. Вот только на сколько, понять нельзя.

– Что, не узнал? – женщина улыбнулась задорно, но чуть грустно. – А знаешь, как девушке обидно, когда её не узнают, особенно после такого краткого, по крайней мере на её взгляд, расставания?

– Извини, но у меня возникли некоторые проблемы с памятью.

– Угу, после такого ещё легко отделался, – она горестно, но чуть наигранно вздохнула. – Ладно, не буду тебя в этот раз мучить. Я Доля. Не пытайся, всё равно сейчас не вспомнишь. Может, потом...

– Спасибо, Доля. Что я тут делаю?

– Ты пришёл по моей просьбе. Ну, как пришёл – я позвала, а воспротивиться ты не смог.

– А зачем звала?

– Вот какие же вы мужчины... Может, посмотреть захотелось. Что, жалко?

– Нет. Ты красивая, мне тоже нравится на тебя смотреть.

– Что? Комплимент? Что это случилось с нашим brutальным мачо? Оказывается, иногда даже с виду неприятные вещи могут идти на пользу. Расскажу Маре, она обхохочется.

Ничего не понимаю, но, похоже, моя собеседница не собирается ничего объяснять. Ну что же, и я напрашиваться не собираюсь. Нет, если бы почувствовал, что она готова хоть что-то рассказать, то попытался, но не чувствую.

– Молодец, правильно не расспрашиваешь. Помнишь. Всё, что надо, узнаешь – не меньше, но и не больше. Сестрёнка вспомнила о тебе.

– Сестрёнка?

– Ну да, Недоля. Ты всегда был слишком активным мальчиком, Мара говорит, что даже гиперактивным. Вот и обратил снова на себя внимание, а может, ей кто и намекнул. Она же всегда была помешана на Равновесии. Не беспокойся, ты ей всё же тоже нравишься, поэтому она не станет нивелировать твою прошлую удачу, но с этого момента станет приглядывать. А внимание Недоли, сам понимаешь...

– То есть халява кончилась?

– Ох, уж эти твои выражения... Нет, халява не кончилась, просто за неё теперь платить надо...

Женищина горько засмеялась и пропала.

Опять! Что это, схожу с ума? Пётр Петрович, который Кашенко, мир его праху, наверное, моим случаем заинтересовался бы. Ещё бы, он всё больше с Наполеонами и Петрами Первыми дело имел, а у меня целый выводок богов наклёвывается. Сначала Морана, теперь Доля да на сестрёнку свою намекает. Ладно, хватит панику разводить. Скорее всего, это сработал анализ моих страхов, моего опасения, что время, отведённое на удачу, заканчивается. А то, что на меня обратили внимание, я и так догадываюсь, а после сегодняшнего ещё больше обратят и ещё больше обозлятся. Правда, не боги, а значительно более неприятные существа. Те, что ходят в чёрных мундирах и кричат «хайль Гитлер». Но зато в отличие от богов они смертны. Я точно знаю. Сам убивал.

* * *

– Старшина, давайте подведём итоги. Что мы поимели с гуся?

– Так, начну с вооружения. Пистолетов разных – двадцать шесть штук, маузеровские карабины и винтовки – шестьдесят две штуки, пулемёты тринадцатой модели – три штуки, все под ленточное питание, четыре автомата. Это вместе с разгромленной подмогой. Кроме того, на аэродроме захвачены две тридцатисемимиллиметровые зенитные пушки, Вальтер назвал их «Флак восемнадцать». Кроме того, с самолётов сняты десять пулемётов винтовочного калибра, пять крупнокалиберных пулемётов – три по тринадцать миллиметров и два по пятнадцать и одна двадцатимиллиметровая пушка. Большая часть авиационного вооружения требует переделки и изготовления станков или других видов крепления.

– А что с боеприпасами? – продолжал я допытываться, пытаюсь осознать, что же мы всё же приобрели.

– К пистолетам и автоматам примерно шестьсот пятьдесят патронов, винтовочных больше восьми тысяч, четыре с половиной тысячи сняли только с самолётов, но там боеприпасы особые, в том числе бронебойные и зажигательные. К тринадцатимиллиметровым пулемётам тысяча двести, к пятнадцатимиллиметровым четыреста – тоже специальные, хотя бывают ли там другие, кто знает. К двадцатимиллиметровой пушке семьдесят пять снарядов, к зениткам двести восемьдесят.

– Неплохо, – улыбнулся Матвеев.

– Угу, а теперь поделите это всё на пятьсот человек, – капитан был отнюдь не в восторге от таких на первый взгляд больших цифр. – По двадцать патронов на человека?

– Да, – Жорка дёрнул себя за мочку уха, – не разжиреешь. А потратили сколько, старшина?

– Считай, пять сотен.

– Когда успели?

– Вы всё успеваете – на вас ни жратвы, ни патронов не напасёшься. Бой на аэродроме – три сотни патронов долой, засада на немцев – ещё две, да та группа, что полицаев ходила в Борки пугать, два десятка сожгла.

– Кстати, а как в Борках всё прошло? – спрашиваю Калиничева.

– Нормально. Говорят, пришли, несколько пуль полицаям в окна засандалили и отошли. Тем, естественно, не до ночных прогулок стало.

– Ясно, что ещё ценного в хозяйстве образовалось?

– Продуктов захватили, но немного, нашей ораве и на неделю не хватит, немного же медикаментов и перевязочных материалов, зато бензина, считай, четыре тонны, но он авиационный – на авто клапана прогорать будут, но вряд ли машины именно от этого испортятся.

Да, тоже так думаю, не факт, что немцы нам вообще скоро позволят с комфортом кататься.

– Ещё две бочки керосина, ну и прочая бытовая мелочь – ложки, плошки, поварешки. Электростанцию забрали, слава богу, что она на колёсном ходу была. Радиостанцию, с ней сейчас Кондратьев разбирается, сказал, что и радиис с самолётов вполне можно к делу пристроить, только у них диапазон пожиже. Что это я, честно, не понял.

– Вот, вспомнил. Мне показалось, или бойцы крышу разбирали?

– Не показалось, железо там хорошее было, на землянки пойдёт, а то текут с обычным дёрном. Ещё одёжка кое-какая, в основном форма, хорошо её штопать и отстирывать не надо – вражины не успели надеть, а мы соответственно попортить. Инструмента много, в том числе и шанцевого, даже не знаю, куда девать. На обмен бы с крестьянами что пустить, но опаска есть, как бы немчура не прознала – по его виду понятно, что не наш. Бронестекла много взяли, но вроде не особенно оно и бронированное – ну на что-нибудь пойдёт. А вот настоящая броня тоже есть – пару десятков листов сняли, остальное некогда было, но это так, у нас ещё и щитки от «максимов» без дела лежат. Проводов и труб много надёргали, да и ещё масла немало слили, жаль не постное, а машинное, тоже две бочки вышло.

– Что за трубы?

– Разные, и масляные, и пневматика, на что пустить их, не знаю, но пригодятся. Вот вроде и всё, не считая личных вещей, но их бойцы больше по карманам распахали. Непорядок, конечно, но не отнимать же. Обидятся.

– Найдите тех, кто не хомячил, и премируйте. По-серьёзному – пистолеты выдайте, ещё чего, но сами разберётесь.

Откуда взялся у меня в голове сам термин «хомячить», не помню, но здесь он был неизвестен, хотя, после неоднократного повторения, вполне прижился и вопросов не вызывал.

– Сделаю.

– Если удастся ещё чего выкроить, то и тем, кто на операции не был, подкиньте. Те же мыло, бритвы, зеркала – хоть на несколько человек.

– Посмотрю, но кулаков и так не уважают, все, в общем, делятся, чем могут, а что небритых хватает, то больше от лени.

– Вот зима наступит, посмотрим, а пока пусть в порядке себя содержат. Мы же, в конце концов, не банда. Вы, товарищ капитан, поддержите старшину авторитетом.

– Есть, – Нефедов снова потёр небритый подбородок. Мне проще, я медленно обрастаю, а вот капитану и другим, кто постарше, с этим сложнее.

На этом разбор полётов закончился. Вроде пока дел особо неотложных и нет, значит, пойду к Вальтеру – надо разобраться, что за оружие нам от Люфтваффе досталось.

Немец опять был с головой в работе – на большом куске брезента лежал здоровущий агрегат, точнее, масса его частей, числом шесть. Рядом застыли двое бойцов, вероятно, опасаясь лишним движением нарушить мыслительный процесс, а может, прервать свой халявный отдых.

– Вальтер, что это за зверь и о чём ты думаешь?

– А? Извините, господин командир, я не понял вашего странного вопроса.

– Не обращай внимания, – хотел сказать «забей», но по-немецки это звучало бы ещё более странно и ввело бы нашего интернационалиста поневоле в ещё больший ступор. – В чём проблема?

– А, это? Это не зверь, это машиненгевер сто пятьдесят один, разработки фирмы Маузера. Скорее даже автоматическая пушка калибром пятнадцать миллиметров. Хорошая, надёжная и удобная, вот только стояла она на самолёте.

– И переделать нельзя?

– В теории переделать можно всё, вот только стоимость затрат на переделку зачастую превышает все мыслимые пределы.

– У нас не превышает. Нам эта штука нужна. Какие сложности, что надо?

– На самом деле не так и много. Так как сняли мы их, а их две, со сто девятого «Фридриха», то несколько повезло, она там стреляет через вал винта, поэтому стоит здесь обычный ударник.

– А бывает необычный?

– Да, если бы она стреляла через плоскость винта, стоял бы электровоспламенитель, при этом и патроны были бы другие. Тогда проблем было бы гораздо больше. Тоже справились бы, но... Вот, например, с тех же истребителей сняли по два пулемёта семнадцатой модели, – Вальтер показал на ещё одно чудо-юдо, лежащее чуть в стороне. – Они завязаны с синхронизатором и там стоит электроспуск. Это не электровоспламенение, патроны используются обычные, но управление что у пушки, что у пулемётов электромеханическое. Надо спусковые механизмы и механизмы перезарядки делать, точнее, удобные для стрелка элементы этих механизмов выводить наружу корпуса. Может, я пушками займусь, а пулемёты на потом оставим?

– Ну, четыре пулемёта нам погоду не сделают, или с ними со всеми так?

– Нет, остальные обслуживались бортстрелками, там всё нормально, только что прикладов нет. Сто тридцать первые, их три штуки, это те, что калибром тринадцать миллиметров, нужно точно со станка использовать – уж больно мощны. А вот пятнадцатые и восемьдесят первые, под винтовочный патрон, можно и как ручные, только сошки, да и, как уже говорил, приклады сделать.

– Ясно. Это всё?

– Нет, ещё есть двадцатимиллиметровая пушка, что на бомбардировщике стояла. Вообще-то они делались с барабанным магазином под шестьдесят выстрелов, но на «Хейнкеле» она в носу стояла, там барабан мешал, так что этот вариант с коробчатым магазином на пятнадцать снарядов, магазинов всего пять, но из неё точно ни с рук, ни с сошек не постреляешь. И ещё – патроны и снаряды в основном все бронебойно-трассирующие.

Да, что-то такое и старшина говорил, надо бы попридержаться до появления стоящих целей.

– Хорошо, работай. Как я понял, меньше всего проблем с теми пулемётами, что под тринадцать миллиметров? Вот с них и начни.

Однако есть ещё время посетить Михаэля.

Когда после продолжительной прогулки до второго лагеря подошёл к нашему пошивочному цеху, увидел, что еврейское семейство работает не покладая рук. Старший Рафалович

распекал за что-то молодую женщину, кажется, Марию, вставляя в русскую речь полужнакомые, созвучные с немецкими, слова. Наверное на идиш.

– Здравствуйте, Михаэль Нахумович, смотрю, невзирая на прохладную погоду у вас здесь жарко.

– Здравствуйте, товарищ командир, – по тону почувствовал, что он хотел назвать меня либо молодым человеком, либо как-то похоже, но не решился или передумал. – Да, на улице пока ещё терпимо, но со дня на день придётся начинать работать в землянке, а там, знаете ли, темно. Будьте так добры, наладить приличное освещение, иначе я снимаю с себя ответственность за качество работы.

– Сделаем, дорогой Михаэль Нахумович. От себя оторвём, но поддержим отечественную промышленность. Лучше скажите, как дела с тем заказом, что вам передал Кошка?

– Пока Леонид Михайлович дал мне только один парашют. Я уже прикинул, как его раскроить. Купол у него не слишком большой, да и форма для кроя неудобна, потому гарантировать больше семи, если будем соединять обрезки, то восьми халатов не могу.

Так, всего мы взяли тридцать восемь парашютов, значит, под три сотни маскхалатов мы сможем получить.

– Как скоро будут готовы?

– Молодой человек, у меня не трест «Москвошвей». Сколько вам их нужно?

– У нас ещё тридцать семь парашютов.

– Вы режете меня без ножа, одними своими словами. Месяц.

Ну, месяц это не так уж и плохо, тем более что получать мы их будем ежедневно, а не всей партией одноразово.

– Спасибо, Михаэль Нахумович, – похоже, он готовился к ожесточённой торговле по срокам и очень удивился моей покладистости. – Только у меня будет к вам ещё одна просьба – поговорите со старшиной и с другими опытными бойцами и обсудите с ними вопросы обвеса. Нет, обвешивать и обсчитывать их не надо. Так как от парашютов останется много строп, то надо попробовать сочинить из них нечто вроде сбруи, используя которую, бойцы смогут удобно располагать на теле оружие и снаряжение. Проблема ещё и в том, что эта сбруя должна быть удобна как при передвижении на лыжах, так и во время боя. Да чуть не забыл, на оружие тоже нужно смастерить чехлы, да и вещмешки должны не бросаться в глаза на снегу.

– Тогда больше семи халатов с одного парашюта не получится.

– Вы уж постарайтесь, дорогой мой человек, от того, как хорошо вы сделаете свою работу, будут зависеть жизни людей.

Что-то дрогнуло в глазах немолодого битого жизнью мужчины, но тут же они снова стали колючими.

– Вот ещё, никто никогда, кроме недоброжелателей, не мог упрекнуть старого Михеля, что он плохо делает своё дело.

– Ещё раз спасибо, извините, спешу.

– Идите уж, не мешайте работать.

Не успел отойти и на пару дюжин шагов, как услышал, что еврей уже распекает кого-то из своих родственников, причём на этот раз с гораздо большим пылом, чем до моего прихода.

Оставшийся день прошёл в большой нервотрепке. Довёл до старшины требования начальника пошивочного цеха. Прикинув, решили, что в наших условиях единственно приемлемым способом будет установка самолётного плексигласа прямо в скат землянки. Течь, конечно, будет в дождь, никаких нормальных изолирующих материалов под рукой нет, но и так течёт. Чёрт с ним. Заодно решили таким же образом поправить землянку оружейника – гулять, так гулять.

На парашютный шёлк также нашлось много желающих. Например, фельдшер объяснил, что из него лучше бельё пошить. Будто бы в древние времена благородных рыцарей и прекрас-

ных дам очень ценилось нижнее бельё из шёлка, типа полезно для кожи и вши в нём плохо приживаются. Предложил «айболиту» придумать историю поправдоподобнее – не носили ни рыцари, ни их дамы нижнего белья. Они вообще мылись только раз в жизни – при рождении, некоторые считают, что два, но обмывание после смерти не считается, так как к жизни отношения не имеет. Один парашют всё ж пришлось отдать, ибо операционную всё одно отделять надо, чтобы хоть с потолка мусор не сыпался на открытые раны. Самые мелкие обрезки тоже пообещал, то ли нитки что-то шить, нашему доктору нужны были, то ли в корпию подмешивать, не совсем понял, но позарез. Надо, значит, надо.

Спать ложился с некоторой неуверенностью, страхом, но одновременно с надеждой – вдруг сейчас будет сон, который хоть что-то поможет понять про себя, несчастного. Снилось что или нет – не помню, спал, как убитый.

Глава 4

– Товарищ командир, – Калинин был какой-то взмыленный, но довольный. – Взяли мы «лесорубов».

– Где?

– Ну, так в четвёртом лагере.

– В том самом? Всех?

– Ну, они говорят, всех, только мы-то знаем, что их не шестеро, а семеро. Вот седьмой, как дружки его не вернулись, так сразу и припустил в город. Думаю, уже к полудню на месте будет.

– Он что, не пёхом?

– Лошадь у старосты отнял, грозился страшными карами, если не даст.

– Когда гостей собираешься ждать?

– Считаю, завтра к обеду и нагрянут.

– Хорошо, действуй.

Четвёртого лагеря как такового, считай, не существовало. Точнее, сам лагерь наш инженер всё же построил, а два десятка бойцов, устроившись в нём, изображали активную партизанскую деятельность. То есть бегали в соседнюю Шаверливку за самогоном, по бабам и вообще вели аморальный образ жизни. «Лесорубы» от ценного источника, а именно от Борового, получили соответствующие сведения и споро отбыли из Залесья за полтора десятка километров, где и нашли то, что так долго искали. А именно приключения на свои, теперь, вероятно, уже лишние части тела.

– Доложи Нефёдову. Действуйте, как договорились. Я к Феферу и далее.

Операция, затеянная вокруг немецких шпионов, на деле имела два слоя. Первый – это, конечно же, заманить в ловушку немцев – нужно ещё более поднять боевой дух красноармейцев, особенно освобождённых недавно. Операция с аэродромом прошла отлично, люди поверили в свои силы, но закрепить пройденное сам Владимир Ильич велел. Ну, говорил же он: учиться, учиться и учиться. А какая учёба без повторения пройденного...

Естественно, и оружие с боеприпасами, и прочее снаряжение от немцев лишним не будет. Те ведь считают, что бандитов чуть, а значит, вряд ли пошлют много людей, да и нет у них сейчас много – комендантская рота в Полоцке, несколько эсэсовцев, если их обратно в фатерлянд не отозвали, и, может быть, полицаев сколько прихватят. Всю роту из города выводить никто не даст, потому и врагов будет пятьдесят-семьдесят от силы. Зачем больше для разгона и уничтожения двух десятков разбойников?

Вот тут и вступала в силу вторая часть нашего плана – пока немцев в городе мало, можно поделаться свои дела и спокойно уехать. Ну, что совсем спокойно это вряд ли, но точно должно быть попроще – не смогут немцы вести столь же насыщенную караульную службу половиной гарнизона, а если что пойдёт не так, организовать приличную облаву. Вот этим и стоит воспользоваться.

Уже через час мы с Глуховым, Боровым и Фефером бодро пылили в сторону города. Разумеется, пылили не мы сами, а лошадь с телегой, да и пылением это назвать сложно – скорее, взламывали подмёрзшую грязевую корку. Отобедали у Говорова, где я пересел уже на его телегу. Добираться решили по отдельности, но слишком не отрываться, потому залесский актив отправился вперёд, а мы следом.

Когда заехали в город, уже темнело, хотя до настоящей ночи было здорово далеко. Залесенцы должны были сразу отправиться квартировать к новой подруге Германа. Кузьма в этот раз тоже остановился не в гостинице, сказал, что нашёл место, где и проще и сытнее. Мне-то

что, лишь бы на пользу. Высадил он меня у госпиталя – документик на посещение одного был у меня при себе, потому прошёл беспрепятственно.

Ольга Геннадьевна была занята на операции, и ждать пришлось больше часа. Вышла она бледная и, вроде даже чуть пошатываясь, похоже, работы наши ей подкинули на сегодня, а может, и на вчера и на завтра. Заметив меня, остановилась, но справилась с собой.

– Вы с почками вроде?

– Да, госпожа доктор.

– Подождите минут пятнадцать, вас позовут, мне надо привести себя в порядок. Устала. Да, видок, и правда, краше в гроб кладут.

Пятнадцать минут тянулись страшно долго. Наконец, знакомая санитарка предложила пройти в процедурную.

– Как самочувствие, есть изменения с прошлого посещения? – Ольга приложила палец к губам, другой рукой указав на левую перегородку.

– Вроде получше стало, но всё одно болит, особенно когда это... в туалете давно не был.

– Ну, это процесс небыстрый, хорошо уже то, что ухудшений нет.

Ещё пару минут она тёрла мне по ушам, давая всевозможные умные советы, как лечить несуществующую болезнь. Наконец за перегородкой скрипнула дверь, и раздались удаляющиеся шаги.

– Уф, наконец, ушёл, – Оля мгновенно сократила расстояние и впилась в мои губы своими. Я даже опешил от такого напора.

– Вот тебе ключ, лампу не зажигай, буду где-то через полчаса, – это были первые слова за последние пять минут. – Есть хочу страшно. Что там у тебя в мешке?

– Ну, так оно и есть – поесть.

– Хорошо, вытащи что-нибудь не слишком ценное. Надо пару коробок вынести, но так чтобы часовой ничего не заметил.

– Совсем не ценного там ничего нет, разве что картошки килограмма два.

– Вытаскивай, я её сама принесу. Меня обязательно проверят, если с авоськой выйду, и это хорошо.

– Вдруг додумаются – откуда картофель, если я с полным мешком обратно вышел.

– Ну, во-первых, ты не первый сегодня, кто с подношениями был...

– Мне пора ревновать?

– Как бы это поточнее выразиться: можешь, но только немного. Это даже приятно, пока не доходит до шекспировских страстей.

– Понял, буду, но в меру.

– Да, как-то так.

Освобождая мешок, убрали как раз сало и творог, а картофель оставили, заховав под него две картонные коробки, нетяжёлые, но достаточно объёмные. Маскировали их тщательно, но часовой, глянувший на выходе на меня одним глазом, даже не прореагировал. Может, хорошо замаскировали?

Особого ажиотажа в городе не было, даже ни одного патруля по дороге не попало, может, потому, что до начала комендантского часа время ещё было. Ольга пришла практически впритык.

– Не боишься ходить так поздно? – спросил девушку, угнездившуюся в моих руках.

– С этим даже спокойнее, чем до войны. Гопники опасаются вылезать в такое время, а солдаты из гарнизона все меня знают – на меня санитарные мероприятия повесили. Не пове-ришь, у них поголовно вши, в основном, правда, платяные. У вас как с этим?

– Боремся. У нас есть старшина, дуже до этого дела злой. Больше чужих вшей он нена-видит только самогонку, чужую, конечно.

– Ты по какому особому делу приехал или навестить любимую девушку?

– Конечно же, навестить. Заодно и разжиться чем-нибудь с аптечного склада.

– Всё с тобой ясно – гопник.

– Ага, мы такие. Что наше – то наше, а что ваше тоже наше.

– Я с вами пойду.

– Вот уж вряд ли.

– Не спорь. Вы всё одно не знаете, что брать, а я даже ведаю места, где лежит самое ценное. Во-первых, всё вы не унесёте, а значит, надо брать только нужное, во-вторых, без меня копать будете долго, даже если напишу, где, что и как называется. А в-третьих, я там была последний раз три дня как, точнее, три ночи.

– А вот с этого места поподробнее.

– Четыре дня назад привезли крупную партию раненых. Уже под вечер, а у нас морфий почти кончился, вот меня Вирхов и отправил на склад. Так что если я опять заявлюсь ночью, то охранник не удивится.

– Охранник один?

– Да.

– А сколько у тебя сопровождающих было?

– Два санитаров.

– А они сами не могли получить?

– Могли, наверно, но Рудольф послал меня.

– Кто этот Рудольф?

– Наш начальник госпиталя. Полный тёзка и потомок знаменитого Рудольфа Вирхова.

– Не знаю такого.

– Очень известный врач и учёный девятнадцатого века. Вроде даже политик.

– Ладно, это не так и важно. Расскажи, как было дело.

– Ну, Рудольф, после очередной операции, приказал мне переодеться, дал двух санитаров в помощь и отправил на склад. Пешком.

– Сколько было времени?

– Около полуночи.

– Так, дальше.

– Пришли, тут ходу минут десять всего, санитар постучал, переговорил с охранником, тот открыл дверь, а я подала ему записку. Он прочитал, впустил нас, мы взяли морфий и принесли в госпиталь. Всё.

– Патруль по дороге поподался?

– Да, когда шли туда.

– Что-то спрашивали, проверяли документы?

– Нет. Я же говорю, они меня знают. Старший посветил на нас фонарём, козырнул, и они пошли дальше.

– Сколько их было?

– Двое.

Утро напрягло тем, что ничего не происходило. Немцы не собирались спешно в поход, не было никакой суеты, в комендатуре царила спокойная деловая обстановка. Это что ж, зря народ изображал кипучую деятельность, таскал самогонку, обстреливал проходящие машины, зря Кондратьев целых три раза выходил на связь из одной точки? Ничего не понимаю.

– Чего делать будем, Костя? – Говоров сидел на телеге, вопросительно глядя на меня. – Не купились, похоже, курвы.

– А у нас есть варианты? Домой поедем?

– Не, домой нельзя. Надо рисковать.

– Вроде и риска особого нет, – Фефер обкусил размочаленную в зубах соломинку. – Судя по тому, что Аня рассказала, да и твой человек, возможность есть.

Ольгу я пока не раскрывал, хотя понимал что это и глупо, тем более, что, наверное, все и так догадывались, кто мой человек.

– Да, шансы вроде неплохие и в таком раскладе, хотя я рассчитывал на лучшие.

– Человек предполагает, Костя, а бог, он располагает.

– Угу, где-то слышал, что лучший способ рассмешить бога, это рассказать ему о своих планах.

– Это точно, – хохотнул Кузьма. – Умный человек сказал или ему передали.

* * *

Форма здорово пахла капустным рассолом, что неудивительно, если вспомнить, что везли её в бочке с той самой квашеной капустой, да и не очень подходила к новому сценарию. Ну, не думал я, что буду представлять из себя санитаря. И Герман не думал. Боюсь, для санитаров мы слишком молоды. Как солдаты комендантской роты и могли бы сойти, но остальные мужики ещё меньше подходят, да и форму мы на себя подбирали. Ладно, бог не выдаст – свинья не съест. Что-то тема бога стала часто подниматься. Похоже, подсознание шалит, напоминает, что здорово мы заигрались. И помощи нам остаётся ждать только от сверхъестественных сил.

Шалишь – мы рождены, чтоб сказку сделать былью! Стоп. Стоим в переулке, ждём ещё две минуты. По ним, и правда, можно часы сверять. Патруль протопал мимо, естественно, ничего не заметив. Ещё минута, и нам двигаться можно. Теперь у нас есть два часа. А вот и палисадничек, а за ним заветная дверка. А за дверкой сидит тот самый караульный, которого Оля прошлый раз и навещала.

Стук в дверь – не тихий, но и не громкий, ровно такой, чтобы показать, что пришли свои.

– Кто?

– Санитароберсолдат Геншов, санитарсолдат Кёльпин и фрау Ольга с письмом от оберарцта Вирхова.

– Опять у вас кончился морфий? Ведь прошлый раз много взяли.

– Раненых тоже много, иваны по своей глупости не хотят сдаваться, а дырявят наших парней.

Караульный, заглянув в глазок и увидев Олю, отворил дверь. Я шагнул в слабо освещённую прихожую или сени, сразу не понять, и прежде чем немец успел рассмотреть меня как следует, ударил его эсэсовским кинжалом в горло. Неудачно. Крикнуть часовой не успел, но рука дрогнула, и разрез получился слишком широким. Из рассечённой шейной артерии мне в лицо ударила струя теплой крови. Вероятно, немец страдал гипертонией, почему-то пришлось в голову. Ничего – считай, прошло.

Труп быстро откантовал в сторону. Ольга склонилась над ним, ничуть не смущаясь от вида залитых кровью шеи и груди, и достала из кармана целую связку ключей. Ну да, она этой крови каждый день ведра видит, да и льёт, наверно, немало. Мне бы такую устойчивость. Мутит-то как! Сорвал с крючка рядом с дверью какую-то тряпку и быстро вытер лицо. Фефер уже входил в дверь.

– Идут. Сейчас будут.

Мужики скорым шагом, заранее предупредил не бегать и не суетиться, подошли и заняли позиции. Из оружия были только пистолеты. Свой «браунинг» отдал Кузьме, сам и «вальтером», если что, обойдусь. Вообще-то любой лишний контакт, не говоря уж об огневом, в наших условиях напрямую ведёт к провалу операции. Так что оружие это так – отбиться и убежать.

Ольга копалась в ящиках, плотно составленных в трёх больших комнатах. Похоже, она не настолько хорошо знала расположение склада, как пыталась меня уверить. И хотя это повод для выговора, но не сейчас же его устраивать – на самом деле без неё мы здесь закопались бы,

а при наших возможностях отсюда не утащить и пары процентов. Конечно, Герман предлагал телегу подогнать, но так, чисто ради безумной идеи, в которую и сам не верил.

– Здесь пока морфий и кровоостанавливающие. Как раз одному впору унести.

Это правильно – до дома Ани, где и устроим временный тайник, тут рукой подать, мужики и в темноте не заблудятся.

– Герман, передавай первую партию, пусть начинают носить.

Начали, мужики опять напомнили мне трудолюбивых муравьёв, таскающих в свой муравейник огромные богатства в виде рассыпанного Аннушкой, в этот раз вместо разлитого масла, кулька с сахарным песком. Сколько, оказывается, нужно людям, находящимся в отрыве не только от больницы, но даже от обычного аптечного ларька. Тут были и противовоспалительные, и жаропонижающие, и обезболивающие, даже витамины были. А ещё бинты, жгуты, хирургический инструмент... Вообще-то я с трудом представлял, как мы всё это будем вывозить.

– Время.

Фефер молодец, следит за стрелками. В доме оставаться небезопасно. По сведениям, что мы получили от Анны, патрульные не проверяют этот склад, а проходят мимо, но оставаться здесь не стоит.

Впрочем, ещё полгода назад, такая афёра, что мы проворачиваем сейчас, наверное, не прошла бы. Хотя тогда по улицам и не ходили армейские патрули, но наша беготня обязательно заинтересовала бы местных жителей. И хотя сейчас им не до того, всё одно наши носильщики не бегали тупо до дома Ани и обратно, а сбрасывали груз и пробегали дальше, заворачивая в соседний переулок, прокладывая след и там. Хотя это и замедляло нас, но изрядно снижало риск провала, а соответственно существенно увеличивало шансы нашей помощницы избежать беды.

И хотя всё основное мы уже вроде как выгребли, но покопаться ещё стоило. Патруль прошёл, как всегда, вовремя и мимо. Повезло. Нам ещё минут тридцать и будем готовы.

Выехали обратно сразу же после окончания комендантского часа. В это утро в городе было уже не так спокойно, как в предыдущее. Ни с того ни с сего, уже утром, вспыхнул пожар. Что поразительно, произошло это в здании аптечного склада, которое сейчас и тушили доблестные немецкие войска и добровольные помощники из горожан. Неудивительно, что добровольных помощников было раз-два и обчёлся, да и то из тех, чьи дома рядом стояли и могли пострадать при пожаре.

Конечно, немцы разберутся со временем, что произошло. Уж чего-чего, а следов, начиная от располосованного горла охранника до пропажи массы стекла с содержащимися в нем лекарствами, осталось довольно, но задержать на выезде из города они нас не успели, а дальше... ищи ветра в поле. Мы, конечно, тоже подстраховались, как знали, в километре от города всё выгрузили в ласковые и загребушие руки старшины и его архаровцев. А ещё через пару километров нас догнал мотоцикл с фельдшандармами, кои и перетрясли наши телеги до последней соломинки.

Догнали бы раньше, здесь бы и умерли, пара стрелков нас из ближайшего леска, до которого сейчас и было метров двести, страховали, да и сами мы с винтовками, однако. Кузьме и Герману даже «наганы» положены, так что, скорее всего, отбились бы, но зачем? Теперь мы ещё раз подтвердили свою законопослушность – на нет, как говорится, и суда нет.

Калиничев встретил меня ещё на подходе.

– Как сходили, товарищ командир?

– Нормально. Старшины ещё нет?

– Пока нет.

– Ну да, ему же по лесу и с грузом...

– Груз большой?

– Пока не очень, самое громоздкое в городе осталось. Это вы с Фефером сами теперь придумывайте, как сюда остальное вытащить. А вообще прилично немчуру обнесли, а что осталось, спалили к хренам.

– Немцы не пришли.

– Да уж в курсе. Думаю, скоро придут.

– Сведения или догадки?

– И то, и другое. Пополнение они ждут. Сюда какую-то специальную охранную часть перебрасывают. Вроде из Галиции.

– Австрияки?

– Да бес их там разберёт, но если часть охранная, то и ухватки у них другие. Не эсэсовский осназ, конечно, но и не полевые части – этих специально против таких, как мы, натаскивали. Что такое партизанская война, немцы всё ж понимают. А мы скоро узнаем, что такое война противопартизанская.

– Херово.

– И я о том.

– Может, того – эвакуировать четвёрку?

– И воевать по их правилам и на их условиях? Нет, просто готовимся лучше. Мы должны начать бить их с самого начала. Как себя поставим, так и дальше пойдёт. Слышал пословицу про встречу Нового года?

– Да.

– Вот нам и надо его встретить как следует.

Ночью пошёл снег. Он уже и ранее выпадал, прикрывая небольшим белым покрывалом лапы елей и лесную землю, но в этот раз он решил захватить лес окончательно и больше никогда не выпускать из своих светлых объятий. Снег был тяжёлый, плотный и сырой. Деревья пытались сопротивляться зимнему нашествию. Сначала они вроде бы как поддавались, их ветви сгибались под мокрой тяжестью, сами они как бы никли под нашествием, но вдруг, то в одном, то в другом месте раздавался приглушённый сочный шлепок – это деревья освобождались от сковывающей их тяжести, сбрасывая с себя очередной снежный пласт. Возможно, они даже считали, что вот она, наступившая свобода, но на самом деле это была только краткая отсрочка. Даже выпрямившаяся ветвь освобождалась не полностью – снег оставлял на ней свои, пусть и небольшие, следы в виде прилипших комочков, к которым тут же налипали новые, падавшие с неба оккупанты, пытаясь прижать к земле или сломать упругую опору. Снег побеждал, но он не имел памяти, какую имел лес. Снег только родился и считал себя бессмертным, думал, что он захватил лес навсегда, и ему теперь всё дозволено. Лес же давно прекратил считать эти нашествия, они слились для него в сплошную борьбу. Ежегодно он страдал от тяжести на своих ветвях, от холода, что вымораживал до треска его стволы, но никогда не прекращал борьбы, и она, эта внутренняя борьба, всегда приводила к тому, что снег отступал. Сейчас лес был готов внешне смириться с временным поражением, но отдельные деревья находили в себе силы встрепенуться и обрушить холодную тяжесть, что пыталась их сковать и поработить. Надолго ли хватит им сил? Кто знает, но то, что время снега не вечно, было аксиомой для леса, и он копил силы для будущего возрождения.

Глава 5

– Подрывники вернулись. Все, – Капитан, кутаясь в тонкую шинель, потёр свежесбрированную, с порезом, щёку. – Докладывают о десяти подрывах. Потом пришлось уходить. Хорошо, дело ещё до снега было.

– Старшина, выдай капитану нормальный полушубок, есть же запас.

– Я предлагал, он отказывается. Предупреждал, что как всё разберут, уже не будет.

– Запаса уже нет, – Нефёдов нахмурился. – Обычного. Остался только неприкосновенный, сам же говорил. Шинели-то, и те не у всех есть, а полушубки только активному составу положены.

– Ещё командному, – попытался настоять я на своём. – Нужно, чтобы вы, точнее мы, думали о деле, а не о том, как согреться. А болезнь для нас вообще преступление вроде дезертирства. Так что полушубок получить, валенки тоже. Валенки всё же больше, да и Леонид Михайлович договорился о поставках. Полсотни пар уже в конце недели будут. Разведка, что с охранным полком?

– Фефер вчера вернулся из города. Всё плохо. Это не полк, даже не бригада – это дивизия. Правда, на стадии формирования, но всё равно...

– Мать же твою, – выругался Байстрюк, разорвав томительное молчание. – А говорили, полк, да на всю область, да тонким слоем...

– Сведения точные? – прервал я словоизвержение сержанта.

– Из вашего источника.

Если сведения из госпиталя, то им можно доверять. Не потому что от моей девушки, просто там официальные бумаги приходят, а вот то, что нет точных сведений по личному составу, говорит о том, что и всего состава на месте нет. Наверное. А может, Ольгу не стали ставить в известность, небось, у дивизии своя санитарная служба присутствует. Пусть не полностью сформированная.

– Это точно бывший двести первый полк?

– Точно, номер у дивизии тот же.

– Ясно. Теперь о хорошем, для тех, кто ещё не в курсе – есть связь с Большой землёй.

– Оба-на, – отреагировал моим присловьем Матвеев. Кроме него об этом ещё не знал Байстрюк, остальные были в курсе. – И что там, в телеграмме?

– В радиограмме приказ прервать снабжение немецких частей, наступающих на Москву.

– И как мы это сделаем?

– Ну, мы это делаем постоянно, по крайней мере, доклад о подрыве десяти эшелонов пойдёт в Центр уже сегодня. А вот как нам дальше исполнять этот приказ мы сейчас и обсудим. И запротоколируем.

Дальше предложений было много, но чего-либо нового я не услышал. Ведь и правда, сейчас у отряда было всего две задачи, собственное выживание и диверсии на коммуникациях врага, но реакция на приказ из Центра должна быть адекватная. Протокол по мероприятиям, долженствующим обеспечить выполнение приказа, вылез аж на две страницы убористым почерком. Здесь я схитрил, а актив, поняв это, подыграл мне, и потому больше трёх четвертей намеченных мероприятий как раз и сводились к выживанию отряда и повышению его боевой мощи. Протокол решили не шифровать, никаких секретных сведений в нём не было, даже приблизительных цифр, только просьбы дать всего и побольше. Основной упор делался на оружие, боеприпасы, средства взрывания и медикаменты.

Перехват данной радиограммы немцам давал немного, но возможно, подвигнет их, наконец, к активным действиям. Каждый день отсрочки не давал нам практически ничего, а немцев усиливал.

То, что не давал ничего, я конечно преувеличиваю – учёба шла, хоть и не очень валко, попробуй проводить занятия по стрелковой подготовке не тратя боеприпасов. Мы проводили – учили выбирать и маскировать позиции, менять их, развивали глазомер бойцов, буквально вдавливая в них умение определять дистанции для стрельбы, как по полным фигурам целей, так и по их частям. Учили делать упреждения при стрельбе по движущимся целям, особенно нажимая на разницу в скорости передвижения по снежной целине обычной пехоты и лыжников. Своих лыжников тоже натаскивали – нашлось несколько неплохих бегунов, но снег был пока рыхлый и тяжёлый.

Другая учёба тоже шла – готовили подрывников, наблюдателей, учили работать с новым вооружением, в том числе и с двумя уже готовыми тринадцатимиллиметровыми пулемётами. По паре десятков патронов из них пришлось потратить, изучая баллистику нового оружия. Траектория оказалась очень настильная, а бронепробиваемость вполне на высоте. Даже лёгкому танку на средних дальностях вполне должно хватить, причём в любых проекциях, да и средние не должны чувствовать себя в полной безопасности.

Хотя с танками нам пока не воевать, но такое оружие должно нас неплохо усилить. Ещё одним приятным моментом оказалось то, что в последней партии освобождённых бойцов оказался один из токарей, знакомый с изделием братьев Митиных, и теперь мы уже имели полдюжины глушителей, по три на наган и винтовку. Не зря разбирали трубы с пневматических систем бомбардировщика и транспортников. Было также сделано немалое количество различных видов мин, в том числе и откуда-то пришедшая мне в голову, мина с готовыми боевыми элементами, которую можно устанавливать, в том числе, и вместо гранатной растяжки. Всё ещё были проблемы с самодельными взрывателями – примерно четверть не срабатывала или не инициировала заряд, но тут пошли по старой схеме дублирования взрывателя. Расточительно конечно, особенно по нашей нелёгкой жизни, но что поделать.

Радиограмма с отчётом и нашими слёзными просьбами о помощи ушла вечером, а уже в следующий обед в лагерь примчался запыхавшийся, красный, как рак, боец из группы дальнего наблюдения. Я даже перепугался, как бы он не разделил судьбу первого марафонца.

– Идут, – и рухнул как подкошенный в снег.

– Не давайте ему так лежать, выгуляйте потихоньку, как лошадь после скачки, дабы не запалить, и в тепло его.

Лагерь уже немного становился на уши, посыльный первым делом сообщил часовым у подмёрзшей гати, а они уже кому надо, но почему-то не мне. Бардак. И почему ему пришлось столько бежать? Почему, чёрт побери, не организованы эстафеты? Наверно, потому, что я и не организовал. Но другие-то куда смотрели, они вообще военные или к тёще на грибы пришли? В конце концов, рации же есть, и я точно знаю, что операторы на них готовятся. Когда-нибудь так проснёмся, а немцы в дверь стучат.

План был разработан ещё до моей последней поездки в город, после чего в него постоянно вносились изменения, последние из которых внёс уже снег, причём сам и нас не спрашивая. Начать выдвижение раньше чем через час не получилось. К тому времени данные о противнике потекли, хоть и тонким ручейком. Сперва слегка оклемавшийся посыльный доложил, что немцы выдвинулись из города на двенадцати грузовых автомобилях и нескольких мотоциклах, так же колонну сопровождал и броневый автомобиль, что и ввело первоначально разведчиков в заблуждение. Этот броневый автомобиль использовался немцами для эскортирования транспортных колонн. Но заметив две пушки и полевую кухню в виде прицепов, а также осознав, что кузова полны фашистов, командир группы и послал одного связного в штаб, а другого в четвёртый лагерь.

Следующие сведения мы получили уже перед выходом – группа, что контролировала ближние подходы к «четвёрке», вступив в короткую перестрелку с врагом, отошла, согласно

приказу. Немцы её не преследовали, а отправились напрямик к ложному лагерю. Тут уже все сомнения в целях врага рассеялись.

В лагере немцев ожидал сюрприз. Печи они должны были застать ещё теплыми, но вот ночевать в наших землянках я бы им не советовал. Последующая информация пошла уже более широким потоком. Противник сначала окружил лагерь, но, не встретив сопротивления при захвате, уже внутри должен был понести потери, надеюсь, серьёзные.

Этот взрыв слышали даже мы, хоть и были почти в десяти километрах. Взрывники использовали последние наши стодвадцатидвухмиллиметровые снаряды, соорудив из них и драгоценного детонирующего шнура развитую минную ловушку. Главный иницирующий заряд был установлен в «командирской» землянке, на которой, дабы фашисты не ошиблись, был прикреплен красный флаг. Остальные шесть снарядов скрывались в кровлях прочих землянок, а ещё несколько зарядов, забутованных обрезками металла и камнем, ждали своей участи в других удобных местах. Снаряды в кровлю заложили не просто так, а с тем прицелом, что при взрыве они смогут поразить как тех, кто находится снаружи, так и тех, кто успеет проникнуть внутрь.

Был, конечно, шанс, что немецкие сапёры разгадают наш план, но вряд ли те сталкивались с таким изощрённым коварством, тем более что лагерь должен был выглядеть, как после панического бегства «лесных бандитов». Получилось или нет, узнаем позже. Главной задачей данной ловушки было не убить всех врагов, а задержать противника, чтобы мыши успели захлопнуть кошколовку.

Мы успели. Вероятно, немцам, и правда, не хило досталось, потому что я умудрился здорово замёрзнуть, а солнце зайти, когда, рыча слабосильным мотором и пробуксовывая, на просматриваемый участок дороги выбрался бронеавтомобиль. Ну что, «двадцаточка», вероятно, сегодня закончатся твои мучения. Да, ведь служба врагу, конечно, мучает твоё горячее пятидесятисильное сердце, оно обливается горячим маслом в тоске и желает погибнуть, лишь бы не быть рабом врага. Следом за бронекоробкой потянулись двухосные «Опели».

Жандармы на мотоциклах катались последние полчаса туда и обратно без остановки, но мы успели сделать свои дела и замаскироваться гораздо раньше, хорошо, что полсотни маскхалатов у нас уже было. Главная опасность, исходящая от мотоциклистов, заключалась в том, что они могут заметить неровно замётённые места на обочинах, но снег не прекращал идти третий день, хотя и поумерил свой пыл. Зря я, наверно, настоял на минировании, но не ожидал, что дозоры будут так плотно инспектировать дорогу, особенно на обратном пути. Возможно, свою роль в немецкой паранойе сыграла и минная ловушка.

Сама схема с минированием осталась с первого плана, когда снегом ещё не пахло, но наши сапёры подошли к делу с фантазией, двигались только ползком, близко к дороге не приближались, а уж замаскировали свой отход и места работы – любо-дорого посмотреть. То есть совсем не видно. Только сейчас, глядя на шастающих в темноте жандармов, понимаю, насколько мы могли крупно влететь. Всё-таки не исчерпали мы удачу.

Броневи́к пере́сёк невидимую черту. Та-та! Первая очередь из крупнокалиберного авиационного пулемёта хлестнула его по скуле. Та-та! При той фантастической скорострельности, которой обладал «сто тридцать первый», стрелять из него одиночными было практически невозможно. Нет, варианты были, например, можно заряжать патроны через один. Лента у него не рассыпная, так что этот способ мы и использовали при пристрелке, но дергать каждый раз рукоять перезарядки в бою, это не вариант – пусть уж будет по два.

Ба-бах! Ба-бах! Ба-бах! Загрохотала обочина. То, что взрывалось сейчас, не было обычными зарядами, скорее это были короткоствольные картечники, снаряженные смесью пороха и стружки из амматолла, с набивкой из рубленой арматуры. Та ещё гадость, в количестве шести штук. Ко всему, установлены эти картечники были не перпендикулярно дороге, а под достаточно острым углом и с некоторым возвышением, от того и ударил железный вихрь по тентам

автомобилей очень, на мой взгляд, удачно. Впрочем, сейчас эти тенты рвали уже и пули, выпущенные из винтовочных и пулемётных стволов.

Самодельные одноразовые пушки были опасны не только своей начинкой, но и сами по себе, потому что прямо сейчас мимо меня и просвистел, ну скорее прохрустел, метровый обренок трубы, из которых их и изготавливали. Только бы своих не задел. Отчаянно обидно будет.

А канонада нарастала. Враг не стал покорно ждать, когда его расстреляют, и, несмотря на то что большинство тентов представляло собой дуршлаги разной степени продырявленности, солдаты, довольно споро и в достаточном количестве, стали покидать машины. Количество было достаточно для того, чтобы достойно нам ответить. Если бы мы сидели в окопах, то, наверно, это было бы не так опасно. В нашем же случае спасало нас только численное превосходство, потому как не прошло и минуты, а противник уже вёл достаточно плотный, но будем надеяться, не слишком прицельный огонь. Одна из проблем заключалась в том, что мы не можем применить миномёты – даже мины-«пятидесятки» на таком расстоянии опасны для нас самих. А вот ампуломёт можем.

Первая ампула рванула не сильно удачно, угодив в кабину грузовика. Даже этот, в целом неудачный, выстрел вызвал со стороны противника вопль, заглушивший звуки отчаянной стрельбы, – всё-таки кому-то попало. Второй был лучше – вспышка на противоположной обочине и вой сгорающего заживо человека, поддержанный другими криками, говорили сами за себя. Сейчас немцы уже поняли, что здесь их ждёт только смерть, и первые черные фигурки бросились прочь от дороги.

Так как в месте нашей засады лес был только с левой от дороги стороны, то за спиной у немцев было чистое поле, на котором, несмотря на наступающую темноту, фигуры отступающих были хорошо видны. Но вот стрелять по ним было некому – все старались подавить огнём всё ещё огрызающихся врагов. Вообще-то по плану, группы наших лыжников, что находились впереди и позади попавшей в засаду колонны, должны были броситься через дорогу и попытаться охватить место засады с флангов и тыла. Заранее выводить туда группы было опасно – чёртов снег, а теперь они могли не успеть. Проклятые мотоциклисты могли помешать. Нет, то, что бойцы не справятся с мотоциклистами, я не верил, но задержать те их могут, по крайней мере, со стороны головы колонны. Группы находились примерно каждая на расстоянии полукилометра от нас, а тыловое охранение должно передвигаться значительно ближе к хвосту колонны, вот авангард вполне мог и на полкилометра оторваться, и больше. В этой же пальбе ни хрена не разберёшь, идёт где ещё бой или нет.

С ужасом представляю расход патронов с нашей стороны. Сам отстрелял из своего «двадцать восьмого» не больше половины магазина, стараясь бить прицельными «двойками», винтовки тоже много не сожгут, но вот пулемёты... Хотя, если бы не они, давящие в два десятка стволов очаги сопротивления, не известно как хорошо у нас бы пошло.

Всё больше немцев ударялось в бегство, и кое-кто из бойцов уже перенёс огонь на поле.
– Миномёты, – оглядываясь, команду связному.

Тот закрутил ручку телефона и заорал в трубку. Он не успел докричать, как первый султан взрыва разметал на поле снег. За ним ещё один такой же мелкий, и тут же более крупный ударил вблизи пары тёмных фигур, опрокинув их на землю. Вероятно, это был последний штрих, и, до этого продолжавшие отстреливаться, солдаты противника бросились бежать сломя голову. Будь у нас больше миномётов, мы, может быть, и смогли бы отсечь их от спасительного леса, но сейчас это было нереально.

– Ура! – раздался где-то слева от меня одинокий крик, тут же подхваченный несколькими голосами и в течение секунды подхваченный ещё тремя сотнями глоток. – У-р-р-а-а-а!

– Ура! – это что я ору? Ну, ору, ну, даже уже бегу вперёд! Меня как будто кто-то подхватил под руки и несёт вслед за убегающими фашистами.

Только бы Нефёдов догадался огонь подальше перенести, мелькает в голове одинокая мысль. Мы промчались мимо расстрелянных автомобилей и валяющихся убитых и раненых врагов, и выметнулись на поле. Те, кто догадался бежать по уже протоптанному, пускай и одним человеком, стёжкам вырвались слегка вперёд.

– Огонь по готовности!

Кто-то из командиров или сержантов догадался, что надо притормозить людей, чтобы те не попали под свои же мины и не подставили спины под свои пули.

– Огонь по готовности! – присоединил и я свой голос.

Взрывы прекратились, чтобы через полминуты вспухнуть метрах в двухстах далее.

– Огонь с колена!

А вот это правильно. Многие бойцы пытались стрелять вслед противнику стоя. Уже практически в темноте, из тяжёлой винтовки да с дрожащими от адреналина руками, попасть даже в теории невозможно, только если случайно. Зато пулемётчикам в связи с тяжестью их оружия пришлось сразу залечь. Так что с вероятностью в девяносто девять процентов враг, если и нёс потери, кроме миномётного обстрела, то от их огня.

На мой взгляд, в бега ударились больше полусотни вражеских солдат. До леса добегут не меньше половины, а скорее больше. Эх, не догадался пару десятков лыжников оставить в засаде, почти всех на фланги отправил. Стрелять из автомата вслед бегунам смысла уже нет, фиг попаду. А ведь десяток пар лыж за спиной остались, это тех, кто колонне тропу пробивал.

– Автоматчики, – кричу во всю глотку, пытаюсь переорать звуки пальбы. – Назад, искать лыжи.

Несколько человек, так же понявших, что для их оружия дальность уже слишком большая, переминались на месте, не зная, что предпринять. Теперь и у них появилась цель. Один, другой, а затем третий продублировали мою команду, но я этого уже не видел – бежал назад.

Лыжи я искал минут пять, пару раз просто не успевал их схватить, как у меня уводили их из-под носа более ушлые. Никакого почтения к командиру. Пока бродил в поисках, наткнулся на два бездыханных тела, оба с ранениями в голову, а ещё несколькими санитары, оказывается, есть у нас и такие, оказывали помощь. Пулемётно-ружейный и миномётный обстрел уже закончились, когда вдали, куда утекли немцы, опять раздалась пальба. Так как от нашей засады преследование ещё не началось, то с большой вероятностью это «обходчики». Может, и добьют, но немцев ушло больно много. Если организуются, то вполне смогут отбиться.

Когда вышел на дорогу, увидел, как довольно большой отряд, в темноте разобрать сложно, но явно не меньше, чем в полсотни человек, уже покрыл больше половины расстояния до леса, где скрылся враг. А вот и лыжники пошли. Тяжело идут, хоть и быстрее, чем просто пешие.

На дороге уже шла зачистка. Раненых опять будут добивать. Не то, чтобы я жалел врага, и не то чтобы думал, что ко мне или моим бойцам фашисты отнеслись бы по-другому, но что-то в этом было неправильное.

А вот и капитан со своими артиллеристами. Проскакали мимо в сторону боя. Санки у них знатные, правда, только двое – на одних большой миномёт, на других ящики боеприпасов, да и то не все, часть ящиков и малые миномёты на руках тянут. Вряд ли им вся их артиллерия уже понадобится, но это их дело, тут влезать со своим непрофессиональным мнением не стоит.

Подожжённому грузовику разгореться не дали и уже всюю закидывали снегом. Из броневичка вытаскивали тела экипажа, оказалось, сделать это не так просто, как выбросить трупы из автомобилей, потому там собралось человек пять-шесть. На всей остальной дороге также царил деловая суeta – снимали с убитых обмундирование и снаряжение, откидывая обнажённые трупы в сторону. Пара машин так и стояла с работающими движками, частично съехав с дороги. Заметил старшину, но тот был дюже занят. Ладно, у меня тоже есть дело – командир второго взвода первой роты уже строил своих бойцов. С лопатами.

– Ефимчук, выдвигаетесь быстрее.

Их дело организовать мало-мальски удобный съезд с дороги – здесь метрах в трёхстах была довольно приличная просека пробита, но совсем к шоссе она не подходила, потому пару канав в снегу к ней пробить придётся, да и по самой просеке колею прочистить. Особый геморрой будет с бронеавтомобилем, ну да ничего, хоть на руках но вытащим.

Утром чуть не падал от усталости, да и на остальных смотреть было страшно. Вымотались хуже бурлаков. Три сотни человек тянули и толкали восемь автомобилей и нелёгкий стальной гроб по заснеженному лесу, а снега уже было выше колен. Тяжёлое, налитое водой серо-бурое от вылетающей из-под колёс грязи месиво. Но утащили. Кто бы мне ещё сказал зачем? Ладно, там разберёмся. Ещё почти до обеда ходил, как зомби, и мешал людям работать. Не стал дожидаться, пока пошлют, зашёл в землянку, прилёг и вырубился.

В себя пришёл только к вечеру, но всё одно голова была тяжёлая, и что-то в ней гулко шумело. Проснулся от ощущения, что на меня смотрят. Точно, сидит, гляделки свои большущие на меня наставила и молчит.

– Маш, случилось чего?

– Нет, просто я ужин уже третий раз разогреваю.

– Тогда давай, чего ему стынуть.

Каша оказалась недосолена, но мяса на этот раз было богато.

– С общего котла?

– Да.

– А чего мяса так много?

– Леонид Михайлович распорядился двойную боевую норму выдать. Завтрака с обедом всё одно ж не было.

Точно, какие-то сухари мы ночью жевали, а потом я сразу спать завалился. Нефёдов предлагал в бурлаки всех согнать, но тут я настоял, чтобы четверть бойцов оставить в резерве – службу нести.

– Спасибо.

– Вот чай ещё.

– Хорошо, иди.

– Я могу ещё посидеть, у меня сегодня работы больше нет. Вот ещё сахар.

– Что, тоже двойная норма.

– Ага.

– Врёшь, твой, небось.

– Это... нет, ну то есть да... но вам надо...

– Обойдусь. Сама съешь или брату отдай, если раздобреть на наших харчах боишься.

– Тут раздобреешь, как же...

– Всё, иди отдыхать. Да, старшина спит?

– Нет, он всего-то пару часов и вздремнул. Сейчас на складе продуктовом.

– Спасибо ещё раз, беги.

Кошку нашёл на складе, только другом – боепитания. Удивительно, никогда не видел эту землянку не полупустой. В основном здесь только взрывчатка и хранилась, а всё, что можно было распределить по личному составу, ему сразу и распределялось. Правда, после налёта на аэродром стали хранить снаряды к зениткам, бронебойные патроны и непереработанное ещё авиационное вооружение. Сейчас землянка была набита довольно плотно. Особенно выделялись миномёты и станковые пулемёты. Много.

– Ну не фига ж себе!

– Ага, – глаза Кошки поблёскивали как у настоящей кошки, а на лице было нарисовано ощущение непередаваемого счастья. – Это я пока только тяжёлое вооружение оставил. Практически всю лёгкую стрелковку уже растащили.

- Капитан знает? – я указал на растопырившиеся в углу миномёты.
- Знает, но он пушки обихаживает.
- Ясно, дорвался, артиллерист. Вкратце доведёте, чем всё закончилось? Или ещё не закончилось?
- Калининчев три часа как вернулся. Они сначала немцев по лесу гнали. Почти всех положили, но полтора десятка как-то вывернулись и добрались до Зароново. Хутор это такой.
- Знаю, километрах в четырёх от места засады.
- Ну, да, вот немчура там и зацепилась. Наши их только ближе к полудню добили.
- Потери большие?
- Всего у Калининчева шестеро убитых, но раненых много – почти два десятка. Сначала в лесу каша была – фиг разберёшь, где кто, а потом и на хуторе, там обороняться удобно. Да ещё спешка, того и гляди к вражинам подмога подойдёт – сам угодишь как кур в ощи́п.
- А пытались кого из города прислать?
- Вроде нет, мы провода кругом порезали, так что если кто и слышал, то сообщить сложно было. Немцы с шоссе расслышать могли, но пока тихо. У нас четверо убитых и девять раненых. Итого раненых под три десятка, убитых девять. Фашистов побили сто пятьдесят четыре, двоих взяли в плен. Одного сейчас Тихвинский допрашивает.
- Что вообще хорошего взяли?
- Сейчас, у меня тут список, – старшина достал из полевой сумки обычную ученическую тетрадь и подвинул поближе керосиновую лампу. – Сначала по оружию. Начнём с самого крупного, я тут по калибрам табличку составил. Так, сначала миномёты – восемьдесят один миллиметр, две штуки. Мин к ним восемьдесят четыре штуки, но у нас их и так большой запас. Далее идёт семьдесят пять миллиметров – тут у нас две пушки. Капитан назвал их пехотными, восемнадцатой модели – говорит для нас в самый раз. Вообще какие-то они несерьёзные – ствол меньше метра длиной, но нетяжёлые. К ним сто двадцать два снаряда. Ну и последнее, из крупного, три пятидесятимиллиметровых миномёта и двести сорок мин к ним.
- Да, богато. А у нас есть люди, чтобы всё это использовать, с учётом нашей артиллерии?
- Нефёдов обещает за месяц людей поднатаскать.
- Свежо предание... Что дальше?
- Девять миллиметров – тридцать два автомата и двадцать шесть пистолетов. Патронов около четырёх тысяч.
- Толково.
- Теперь пулемёты. Четыре станковых, вон те, – Кошка указал на знакомые уже «ноль восьмые» с кожухами водяного охлаждения. – Не потасканные, два будто с завода только, все под металлическую ленту, к каждому по восемь лент на двести патронов. Ещё двенадцать ручников – все «ноль пятнадцатые» под такую же ленту, но к ним по шесть лент на пятьдесят. Ну и винтовки – тридцать два карабина и семьдесят два полноразмерных винтаря. Этих патронов вообще море – кроме носимого боекомплекта у них ещё и несколько ящиков в кузовах лежало. Может, часть и пулемётчиков, но тысячам к десяти подбирается, так что всего, вместе с лентами, тысяч двадцать. Это не считая ДТ с «двадцатки», к нему, считай, ещё пять сотен.
- Да, стоило немчуру потрепать за такой бакшиш.
- Это не всё. Ещё девять винтовочных гранатомётов и почти двести гранат к ним, ну и обычных гранат три с половиной сотни, в основном «толкушки», но есть и «яйца». Из вооружения это почитай и всё, а вот снаряжения у фашистов тоже хватало. Одних лопат больше трёх десятков, топоры, пилы – они будто обосноваться в нашем лесу собрались. Это не считая того, что на каждом было повешено, – от ранцев до фляжек. Кроме того, что у них с собой полевая кухня была, жаль, что её прилично издырявили, но ничего – починим, так у каждого и сухой паёк в ранце.
- Интересно, и что там?

– Да на самом деле ничего особенного. Я тоже сначала разгубастился на шоколад и прочее – фиг. Вот.

Старшина, как фокусник, достал откуда-то пакет из плотной бумаги и вывалил на стол его содержимое. Приличную часть кучки составляли сухари, также здесь была банка консервов и несколько мешочков поменьше. В одном, самом большом, находились какие-то сушёные овощи, в двух более мелких коричневый порошок и белые мелкие кристаллы. Ну, с последним понятно – соль, а коричневое похоже на кофе, но, судя по запаху, эрзац.

– Ненастоящий, – подтвердил мои догадки Кошка. – Похоже, из желудей.

– Не уверен, возможно, цикорий.

– Одна фигня.

– Не скажи, должен пригодиться.

– Да нет, съедим и выпьем, конечно, всё, но я рассчитывал на что-нибудь посуше и поинтереснее.

– А морда не треснет? – я усмехнулся. – Что в карман, то не из кармана. А так – стандартный *Eiserne Portion*, в переводе «железная порция». Это специальный вид пайка, который можно употреблять только с разрешения командира. Выдаётся сверх нормального довольствия, кстати, в банке должно быть мясо.

– Да, оно. Проверили. Жратва у них отдельно, в том грузовике, что с кухней, тоже была, но не так чтобы и много.

– Ну, так они, небось, перед обратной дорогой отужинать успели.

Тихвинский должен был проводить допрос во втором лагере – пленных в основной мы на всякий случай не водили. Хоть и глаза им завязывали и по-другому стереглись, но мало как дело обернётся. Идти туда по ночному лесу смысла не видел никакого – до утра потерпит, но всё оказалось несколько проще. Наш юрист дожидался меня у землянки, попрыгивая на месте, вероятно, чтобы согреться, но, возможно, от нетерпения и желания поделиться новообретёнными знаниями.

– Товарищ командир, разрешите обратиться.

– Обращайся, только внутрь пройдем – не май, не лето.

– Ну, чего узнал? – я уселся на холодную скамью. Надо бы дровишек принести, протопить хотя бы немного. – По твоему довольному виду сужу, что новости неплохие.

– Да, немцы в показаниях сходятся.

Ишь, «в показаниях». Интересно, какую он им статью шьёт? Спрашивать не стал, вдруг обидится – так сказать, профессиональная деформация.

– Ну, и чего показывают?

– Это и правда, часть двести первой охранной дивизии. Вторая рота третьего батальона, плюс усиление.

Рассказывал он долго, но если коротко, то мы рано испугались. Во-первых, сам двести первый полк, на основе которого дивизия формировалась, особого опыта не имел. Во-вторых, дивизия была далека от полного формирования и, соответственно, возможностей боевого применения. В-третьих, она только называлась дивизией, а в реале не дотягивала и до бригады. Основой дивизии так и остался полк трехбатальонного состава, батальоны, в свою очередь, состояли из трёх пехотных, одной пулемётной роты, роты пехотных орудий и противотанковой роты. Так и не понял, зачем им противотанковая рота, но на её вооружении стояли двенадцать тридцатисемимиллиметровых орудий. В роте пехотных орудий было шесть семидесятипяти-миллиметровок. Вооружение одного из взводов этой роты нам и досталось в виде двух пушек. Пулемётная рота, кроме двенадцати станковых пулемётов, имела ещё шесть восьмидесятимиллиметровых миномётов. Один из взводов этой роты тоже был на усилении, его пулемёты и миномёты мы и прихватили. Обычная пехотная рота имела двенадцать ручных пулемётов и три миномёта калибра пятьдесят миллиметров.

Вооружение по большей части было устаревшим, потому нам и достались винтовки образца девяносто восьмого года и пулемёты с водяным охлаждением. Ерунда, нам не в падлу, а дарёному коню вообще никуда не смотрят. Тем более что автоматы нормальные, нашим ППД, конечно, уступают, миномёты и артиллерия тоже вполне на уровне.

Кроме этого единственного полка ещё имелся артиллерийский дивизион, состоящий из двенадцати орудий калибра сто пять миллиметров. Полк и дивизион считались некими частями быстрого реагирования, но в связи с тем, что полк раздёргали на отдельные роты, что-то я сомневаюсь. В Полоцке как раз и должна была находиться эта рота с усилением – теперь уже не находится.

Кроме вышеперечисленных частей в дивизии была масса других подразделений, вроде группы Тайной полевой полиции, отдельный охранный батальон, полицейский батальон, батальон полевой жандармерии и три батальона охраны тыла. Все эти части не имели тяжёлого вооружения, даже миномётов и станковых пулемётов. Да и батальонами они скорее назывались. Кроме того, существовала ещё масса мелких небоевых подразделений типа полевых комендатур, санитарной роты и подразделения полевой почты. Как я и сказал, по своим возможностям данная дивизия значительно уступала нормальной бригаде, да ещё находясь на стадии формирования.

Несмотря на это времени у нас осталось вряд ли много, скорее, даже мало. Надо активизировать действия, пока противник раскачается и перебросит к городу по-настоящему крупные силы. Немцы уже скоро месяц как обещают взять Москву «на следующей неделе», вероятно, все силы у них брошены именно на решение этой задачи. Думается мне, что обломаются. Конечно, приходится бойцам напоминать о восьмьсот двенадцатом, и что захват Москвы ничего врагу не даст, а если это и произойдёт, то всё одно станет началом конца для гитлеровцев, но очень не хотелось бы видеть подобного развития ситуации. Всё же тогда Москва не являлась единственной и даже главной столицей империи, а сейчас, когда Ленинград чудом удерживается, подобное поражение может стать катастрофичным. И наоборот, если фашистам не удастся взять оба города, это может сдвинуть чашу весов в нашу сторону.

Именно поэтому каждая автомашина, не доставившая свой груз на фронт, а тем более железнодорожный состав, выбросивший своё содержимое под откос, могут стать той самой соломинкой, сломавшей спину верблюду. Тем более что руки у нас практически развязаны – хотя бы несколько дней мы сможем творить, если не то что захотим, то уж то, на что сил хватит, точно. А силы у нас есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.